

25-го января 1930 г.

П Р А Г А

год издания 3-ий

51-52

25-го січня 1930 р.

П Р А Г А

рік видання 3-ий

Л. Булатинський

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Людмила Костина: Моя любовь.
 2. А. А. Гейман: И простой гусь повредить может.
 3. Ф. Полковников: * * Стихи.
 4. Петр Крюков: Казачка.
 5. Георгий Алферов: Бабка Палага.
 6. Я. Рудик: * * Вірші.
 7. Е. Ежов: Владеев.
 8. Борис Кундрюцков: Маги.
 9. М. М.: Карпыч.
 10. Е. Булавин: Бывает собака вернее жены.
 11. Гнат Макуха: * * Вірші.
-
12. Профессор Милюков об очередном кризисе большевизма.
 13. И. Билый: Еще к горскому вопросу.
 14. О. Долинский: П. Истрати обличителем большевизма.
 15. П. И. Колюнко: Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.
 16. Александр Пивень: Рождество Христово в народных обычаях на Кубани.
 17. Д-р Э. Хара-Даван: Чингис-хан или Россия?
 18. Сергей Макеев: В кино-студии.
 19. Думы и мысли.
 20. Печать.
 21. Иностранцы о казаках.
 22. В СССР.
 23. Казачья эмиграция.
 24. В Казачьих Землях.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ПОДБРАДАХ: **Ф. М. Штовхань.**

В РУМЫНИИ: **В. П. Елисеев.**

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов.

С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

А. Шапошников. Сливен.

Санжа Мукукенов (для калмыков).

София, кв. Хаджи-Димитров, ул. Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kunišćak, „Ruski dom“.

А. П. Чорный. — **Д. Čornu.** Drvar, Vrbaska Ban.

А. А. Гейман. Зајечар.

В О Ф Р А Н Ц И И.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).

Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Е. М. Якименко: M-eur Yakimenko,

44, rue Rouelle, Paris (15).

С. Б. Аршинов (район Лиона).

M-eur Archinoff, Maison Bel-air, 22, à Dècines.

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, rue Jemmapes, 20.

Marseille.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff)

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В ПОЛЬШЕ:

В. А. Донецкий. Warszawa.

Вл. Еремеев.

W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew,

Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Билый.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhošťská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 51-52

Прага, суббота 10—25-го января 1930 г.

№ 51-52

Людмила Костина. (Югославия).

МОЯ ЛЮБОВЬ.

О твоих глазах все мечтала я
В тишине ночей, в опьянении дня,
Среди влажных лип, в полусне теней,
В ярком золоте огневых лучей.
О твоих глазах, затаивших сказ
Неразгаданных полувнятных фраз,
Где-то слышанных, кем то брошенных,
Синим сумраком переспрошенных.
Я ждала тебя с первых зорь весны
Из полуночной нежилой страны,
Где томится гладь голубых озер;
Где синеет цепь полумертвых гор;
Где едва шумит вечно сонный лес
О твоей душе, о гнезде чудес;

Где под месяцем серебрится пыль
И где с небылью породнилась бль...
Я звала тебя из страны теней,
Чтобы дать тебе теплоту лучей,
Красоту земли, ослепленный грех,
В колорите ласк первый звонкий смех!..
Но недолго жить для любимых глаз,
Только раз любить незабвенный час,
Сохранить его недосказанным,
Суетой людской неразгаданным...
После тихо слить две души в одну,
В золотистый сон заковать мечту,
Раствориться в нем... и сгореть скорей
В блеске солнечных вечно ярких дней!..

А. А. Гейман. (Югославия).

И простой гусь повредить может.

(Святочный рассказ).

В городе всякий затруднился бы сказать, что собственно связывало этих двух, так не сходных людей... Василий Александрович Веслов был шт. капитан и командир роты в местном пехотном полку. Он был высокого роста, но весьма тонкий и необычайно подвижной. Был недурен собою, носил большие вьющиеся волосы, усы и небольшую черную бородку. Любил хорошо одеться и далеко не чужд был и дамского общества; будучи холост и от роду всего 35 лет, он не пропускал ни одной вечеринки, а тем более танцевального вечера в офицерском собрании. Был большой весельчак между офицерами и очень хорошо и увлекательно рассказывал, однако при этом так увлекался, что его и без того громкий голос был слышен далеко, а руки его, длиннейшие руки, так при этом жестикулировали, так отчаянно махали и кружились вокруг всего тела и головы, что вскоре ему приложили приятели кличку „ветряк“. Большое сходство с ветряной мельницей имел Василий Александрович, когда рассказывал.

Другой приятель служил в казачьем полку, здесь же в городе. Был всего двадцатилетним хорунжим. Все свободное время проводил или в седле, ездя своих двух лошадей, или на охоте и в собрании появлялся всего на час, два, чтобы только показаться, представиться старшим, расшаркаться с дамами и незаметно уйти до-

мой. Охота сама по себе, да и еще одно обстоятельство тянуло его из города: в 20 верстах от города в станице К. жила вся родня Александра Александровича (так звали хорунжего) — множество сестер и сестреноч, с которыми он еще с детства был дружен. Насладившись, обыкновенно, охотой на реченке Уль (как раз на поддороге от станицы), заросшей хворостом, терном и камышом, да бурьяном по берегам, Александр Александрович к вечеру доходил до станицы, сдавал набитых на охоте фазанов, уток и куропаток теткам на кухню, а нашутившись и назабавившись с веселыми барышнями и подростками, брал или своих или станичных лошадей и еще часам к десяти вечера поспевал часа на два и в собрание.

Однако, несмотря на все эти привычки и вкусы, столь различные, оба приятеля жили на одной квартире, были большие друзья и никогда не упускали случая оказать один другому какую-нибудь, хотя бы и незначительную, любезность.

Случилось как-то, что Василий Александрович вдруг заявил, что и он едет на охоту. Часа в 3 утра едва добудился Александр Александрович своего старшего пригелея, запрягли дроги, которые и держал для охоты хорунжий, и поехали. Лошадь была взята лишь месяц из табуна и плохо поддавалась управлению, ехали по-

тому долго и непривычного и любившего поспать в праздник Веслова, к 5 часам, когда сентябрьское солнце уже вышло и заблестало ярко на прохладном небе, совсем развезло. А когда Александр Александрович распряг лошадь, снял хомут и на длинном аркане привязал ее к дрогам, чтобы конь попасся вдоволь густой, негронутой травой, Василий Александрович, также неожиданно, сладко потягиваясь и зевая, заявил, что уж лучше он поспит часок другой под дрогами, а потом и наверх стает на охоте. Сказал и сейчас же улегся под дрогами на разостланной бурке. Его молодой приятель свистнул собаку и скрылся в кустах и бурьянах.

Увлекся наш молодой охотник; вот уже часа три, как бродит он по бурьянам и тернам. Дичи в этих мало посещаемых после уборки сена местах водилось множество. Фазаны и куропатки с раннего утра выходят на покосы и жнивья, где находят обильную пищу, а, утолив голод, все прячутся в зарослях по берегам Ульки и нужно, чтобы собака была очень опытна, так как фазан, например, еще издали слышав шум и треск, производимый собакой и охотником, сначала быстро и далеко бежит, а потом прячется в такие „крепи“, что его с большим трудом можно выгнать оттуда и поднять влет, да и не всегда к нему и собака может в эти крепи и колочки пролезть; а куропатки, собравшиеся в большие стайки, так наследят в бурьянах, что положительно сбивают и опытную собаку с толку и сильно ее горячат. Однако много уже добыл хорунжий и фазанов и куропаток и уже поглядывал на сильно утомленную собаку, подумывая кончить охоту, да и дроги были не далеко...

Вдруг со стороны дрог раздался выстрел. „Что-бы такое мог там стрелять наш „ветряк“ — подумал хорунжий, — ведь там у самой дороги и воробья не найдешь“.

Александр Александрович выбрался из зарослей и направился к дрогам. Вот уже и их видно, и лошадь мирно пасется не далеко от них. Но, что — это? Веслов не один, он что-то сильно жестикулирует своими длинными руками, а около него стоит еще какая то фигура. Интересно!.. Часа три спал под дрогами Веслов, но поднявшееся солнышко заглянуло к нему под дроги и выгнало его оттуда. Ну, так нужно сходить к ручью и умыться — и наш ленивец направился к воде. Только что приблизился, как увидел, что на берегу сидит большой серый гусь. Василий Александрович мгновенно сбегал за ружьем, подкрался и выстрелил. Гусь закрычал, бросился на противоположный берег ручья и заковылял к кустам на раненных ногах, волоча по земле одно пербитое крыло. Но, не зевал и наш „Немврод“: раздвинув свои длинейшие ноги, он сразу очутился около гуся, бросил на землю ружье и, наступив на шею гуся держа его за обе ноги, Веслов силился задушить свою добычу, которая крыльями сильно била по его ногам, а кровью из ран обильно орошала его еще новые брюки и китель. Столб пыли обозначал место этого единоборства, пока гусь беспомощно не растаял у ног победителя. „Готов!“ — воскликнул радостно Василий Александрович, сняв фуражку и вытирая грязный пот со лба.

— Ваше благородие! — раздался вдруг из кустов спокойный и уверенный голос и перед нашим охотником предстал старый, бородастый казак в сильно потертой папахе и потрепанном бешмете, — а за што вы гуся моего убили?

— Как твоего, а зачем он здесь... — удивился наконец смущенный охотник.

— Так точно мой, я пасу его вот тут.

— А... ну, так бери, когда твой...

— Взять возьмем, а только гусь этот денег стоит.

— Ну на тебе 30 копеек, полез в карман Веслов.

— Никак невозможно, гусь этот пять рублей стоит, гусь этот заводской, я его в Екатеринодаре на выставке на завод купил.

Надо заметить, в те поры за пять рублей у нас в станице можно было купить годовалого бычка, или телушку, а в Екатеринодаре казак никогда не был, да еще на выставке, а вероятно слышал, что вот мол люди и до птичьих выставок додумались...

— Ну, брат, пять я тебе не дам, а вот хочешь три рубля — бери и убирайся, — сказал Веслов и направился к дрогам, но казак не сдавался, а взвалив гуся на плечо, пошел за ним следом. Приблизившись к дрогам. Тут старик, всмотревшись внимательно в дроги, а потом и в лошадь, спросил:

— А позволите спросить, вы это с кем тут на охоте?

— Веслов назвал.

— То-то я вижу, что лошадь как будто наша, а хорунжего мы знаем, это наш станичник. Ну, так уж если такое дело, пожалуйста трешку и кушайте гуся на здоровье, гуси сейчас жирные.

Как не был Василий Александрович разгорячен этой сорой, а все же сообразил, что если старик сразу уступил, то дело тут что-то не чисто.

— Нет, брат! и трешки не дам, а вот тебе рубль, забирай своего гуся и ступай своей дорогой.

Но тут из кустов неожиданно появился и хорунжий, до того незамеченный спорящими. Веслов с горячностью и обычными размахиваниями рук стал объяснять ему все, что произошло. Александр Александрович перевел глаза на казака и тот час же узнал его.

— К-а-а-к? Твой гусь, да и еще заводской, у тебя?.. У Лапандина?! Да у тебя, брат, не то, что гуся, а и воробьи под крышей уже не живут. Ах ты, брат... и как тебе не стыдно... а?

— Виноват ваше благородие... Ну, прощевайте, с Богом! И старая лисица заковылял в станицу, колокольня которой виднелась всего верстах в пяти.

А дело было так: В конце лета, когда хлеба убереут, гуся огромными стадами с утра летят подбирать на загонах остатки, а вечером, также летом, возвращаются домой. Этот незадачливый гусь, вероятно, как-нибудь подколол крыло и не мог лететь домой со стадом и отправился поэтому „походным порядком“. Шел всю ночь и, как видно, благополучно избежал многочисленных врагов своих — лисиц, хорьков, диких кошек и, конечно, в его гусиной голове не могла родиться мысль, что его подстрелит „заправский“ охотник, приняв за дикого, когда их в этих местах никогда и не было. Конечно, и старик сразу сообразил, что это за охотник, который своих гусей стреляет, и не упустил случая попользоваться.

Очень зажиточный был хозяин когда-то старик Лапандин. Но справил одного за другим на службу трех сыновей, одного в гвардию, а двух других в конные полки и такой большой расход сразу посадил хозяина на мель. Гвардеец убили на джигитовке, другой сын остался на сверхсрочной и высылал к себе жену, две другие снохи разбежались, старик и совсем пропал. Хозяйство дало трещину и расплозлось. Сам он начал попивать и у него, действительно, и крыши на хате и сарае давно прогнили до того, что и воробьи избегали в них гнезда устраивать.

На этот раз, вероятно, ходил старик на Церковные хутора к приятелям выпивать, когда наткнулся на случай с гусем и в его хитрой голове сразу созрел план поживиться и заработать на похмелье.

— Ну, дело конечно, — заявил Александр Александрович, — вот я вам запрягу лошадь, берите своего гуся и езжайте домой в город, а я пешком пойду в станицу, а вечером приеду. Обещал сестрам в это воскресенье непременно быть у них.

— Н-е-е--т! — запротестовал Веслов, — покорно благодарю. Да на вашей лошади еще долго надо бы забунщикам ездить, а вы ее запрягаете. Да она меня куда-нибудь на чужую бабку или неубранное просо затаскает. Тут вот с гусем, а там то еще и похуже что-нибудь случится. Ехать нам уж вместе; как приехали, так и ехать. И понесла же меня нелегкая на эту проклятую охоту. Больше никогда не поеду!..

Делать было нечего. Поехали вместе. Как приехали, Веслов тот час же умылся, причесался, переоделся и побежал по знакомым, которых было променял на какую то там охоту. Пылкий Веслов не удержался, конечно, и всем рассказал о случае на охоте.

И вот, к названию „Ветряк“, прибавилось еще и „Гусь“. Это уже сильно огорчало бедного Василия Александровича, но так уже водится — если молодежь, что кому приложит, то так за несчастливцем это на-

всегда и останется. Однако, заметив, что эта новая прибавка сильно не нравится Веслову, общество употребляло ее очень осторожно, только в совершенно интимной среде и в его отсутствие.

Веслов стал уже думать, что это словцо не привилось и забылось, да и в жизни его случилось нечто, что могло повернуть на другой курс всю его жизнь. Василий Александрович полюбил и сильно полюбил. Она была дочь одного из старых офицеров полка. Была очень мила и скромна и Василий Александрович уже, думал, что на свои чувства нашел и ответ такой же и там, где надеялся, и что было дороже всего в жизни.

Подшли Рождественские святки. Общество веселилось в этот год, как никогда. Особенно наш незадачливый „Гусь“. Всюду он был душою общества и ни одна вечеринка не обходилась без нашего весельчака, ставшего от счастья еще живей.

Водилось в то доброе старое время, что, несмотря на общую встречу нового года в офицерском собрании, в день нового года все мужчины, не глядя ни на какую погоду, все же делали визиты и поздравляли всех знакомых еще и на дому. Любезные хозяйки накрывали столы, как и на Пасху, и щедро вознаграждали визитеров за труд обильными закусками и напитками.

Большое общество собралось за столом в доме

барышни, пленившей сердце Василия Александровича, когда и он сам, оживленный и восторженный, пожаловал. Хозяйка и милая дочка пригласили всех к столу закусить „а ля фуршет“.

Веслов, сильно жестикулируя, оживленно и громко что-то всем рассказывал и не заметил, что ему барышня поднесла полную тарелку жирного янтарного гуся и поставила перед ним. Все слушали и с аппетитом ели, кроме него. И вот барышня, улучив момент, когда Веслов на минуту остановился, громко, среди общей тишины, решила обратить внимание рассказчика на закуску и вдруг вскричала:

— Василий Александрович, а гусь!

Взрыв хохота оглушил всех в столовой, но затем наступило тяжелое и неловкое молчание. Все уткнули носы в тарелки, а Веслов растерянно остановился, открыл рот, да так и остался с минуту. Затем бледный, как стена, встал из за стола и, при гробовом молчании, вышел и уехал.

И... прощай очарование. Прощай мечты... Все, конечно, и сам Веслов, сознавали всю неожиданность и случайность происшедшего, но дело оказалось навсегда загубленным.

Бедный наш „Ветряк“, „Гусь“, уехал в отпуск, а затем и перевелся в другой полк. Так тяжело отозвалась на нем эта случайность...

Ф. Полковников. (Загреб).

* * *

О грезах, о любви, о счастье,
Свивая все в блаженство бытия,
Поют усталые, прибитые ненастьем,
Истому вечную под сердцем затая...

Бредут они, разбитые, больные,
И веру трепетно в груди своей несут,
Что будут дни, что будут дни иные,
Что и для них печали отцветут...

Что ночь пройдет и будет час рассвета,
Что все пройдет, пройдет и скорбный путь...
Что ждут и их слова любви, привета,
Что в радости они от горя отдохнут.

Георгий Алферов. (Югославия).

Бабка Палага.

Я и Петро Иванович Донсков — старые друзья. Мы — друзья детства, мы станичники-хуторцы — Алешинцы, мы однополчане. Все, все мы пережили вместе с Петром Ивановичем. А вот теперь и изгнание на чужбине вместе проводим.

Мы с ним никогда не ссоримся. Да и признаться, не из за чего. Оба мы, что называется, „гол, как сокол“. На чужбине такой свой человек необходим. Весь наш разговор только о прошлом, а его вспоминать хорошо с человеком близким, давно знакомым, которому твое воспоминание тоже понятно, который с полслова все понимает. Вот так и живем мы с Петром Ивановичем, и работаем вместе и досуг делим... У нас с ним никакого уговора и договора нет. Возьмется Петро Иванович огонь раздуть в печке, я сам возьмусь за картошку и иные продукты и, глядишь, все у нас кипит; я возьмусь посуду прибирать, а Петро Иванович по воду сходит, дров на утро наколет, а когда все сделано, мы отдыхаем, кто вперед что-нибудь начнет рассказывать тот и весь вечер может говорить другой только слушает и не перебивает.

Так и в этот вечер было. Рассказ начал я, а так как вечер был перед Рождеством, то и рассказ был про наше тамошнее Рождество, Алешкинское, да не про

Петр Крюков. (Франция).

КАЗАЧКА.

Очи, как ночи осенние;
Жуткий, томительный взгляд;
Поступь казачья, надменная;
Щеки румянцем горят;

Косы тяжелые, черные,
Спали на девичью грудь, —
Змеи — Горынычи грозные
Фею везде стергут.

Фея родимых просторов!
Фея родимых степей!
Мне не забыть твоих взоров
Черных и страстных очей!..

теперешнее, а про тогдашнее, нашего времени, когда мы были еще мальчишками.

А вечер располагал к воспоминаниям: на дворе была и гудела мятель, а в комнатке нашей, уютной и чистенькой, весело потрескивал дровами огонек в печурке. Перед иконой Христа, в терновом венце, слабо мерцало зеленоватое пламя лампадки, сытно наполненный желудок поднимал настроение.

— А помнишь, Петро Иваныч, бабку нашу Палагу?..

— Ну как же не помнить. Еще вот как помню...

— Вот добрая она была старуха для нас, начал я рассказ-воспоминание. — Гудет, бывало, мятель на дворе так же, как и сейчас здесь, в трубе шумит и визжит, а церковный сторож — старый Панкрат — звонит во всю, чтобы заблудшие в степи могли его звон услышать и по звону хутор найти, а наша Палага соберет нас, кучу ребят, и какую-нибудь страшную сказку рассказывает... А лучше всего было нам, когда она нас готовила к христославию на Рождество... За две недели начинала она свою муштровку. А и умела она учить. Каждому и голос даст, и место укажет. Соберет нас всех к теплой печке, начнет сама свое вязанье — приданное выходящей замуж Нюрке, — и начнет нас „репетировать“. А ты Петро Иванович, бывал нашим Хороводом. Нау-

чит нас петь, начнет речь заставлять учить, которую должны мы говорить хозяевам после пения. Но на счет речей я был всегда освобожден, так как, на правах внука, я ее мало слушался и едва усваивал пение. А последние три дня мои друзья по хору и на ночь оставались у нас, чтобы еще и еще раз поэкзаменоваться перед бабушкой Палагой. Ляжем, бывало, к полночи, а вдруг кто-нибудь возьмет и скажет: „А что если завтра Петька не придет“ — и поползет страх, а ведь без тебя мы никуда...

Но вот наступал долгожданный день. Не успевало солнце скрыться на горизонте, как мы уже в полном сборе. Все тепло и нарядно одеты, в надвинутых до самых глаз папахах, в нагольных белых шубах, с палками в руке и с сумками для добычи.

Бабка дает последние наставления, указывает с кого начинать, у кого речи говорить и, благословивши, отпустит нас. А мы, словно молодой табун, вырываемся и начинаем обход. Все идет гладко. Бойко и дружно поем, где надо говорим речи и-и!.. то-то было веселья!..

Да... золотые были те денечки — сказал Петро Иванович, а я расхотелся и продолжал:

— Не успеешь бывало и пол хутора обойти, а сумки почти полны. Тут тебе и пряники, конфеты, пятаки, пироги, и всякие медные монеты... Кончим, бывало,

придем ко мне, высыпем все и поровну разделим и начинается пир. Там смотришь — и другие партии христославцев приходят к нам, а мы переглянемся, усмехнемся, мол, мы уже сделали свое дело, не то что вы поздние и гордость берет нас, что у нас такая добрая бабушка Палага, наша регентша. И тут же уговариваемся, чтобы и на следующий год собраться этой партией и чтобы никого в свою партию больше не принимать...

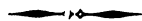
Не правда ли, Петро Иванович, все это теперь кажется далеким, но незабываемым сном — спросил я, своего старого друга. А он сидит с просветленным лицом и улыбается, а из глаз так и текут слезы сами собой.

Посмотрел я на него и самому грустно стало. За-молчал я. Долго молчали.

— Да... спасибо тебе друг — заговорил Петро Иванович — как хорошо умеешь рассказывать, чисто за душу хватает.

— Это оттого — говорю я, — что рассказ мой тебе даже по душе, это — говорю — не только мое детство, а и твое, а може я и хорошо рассказываю, ведь я вырос у бабушки Палаги, а она помнишь, как умела сказки сказывать...

За долгим рассказом печка наша потухла и мы начали укладываться спать...

Я. Рудик. (Прага).

* * *

Ти вся — одне святе терпіння;
Стоїш смутна, як ніч осіння;
Стоїш, неначе скам'яніла;
Чого-ж Ти так уже змарніла,
Немов осінній лист, зчорніла?

Кругом весна квітки леліє,
А в Тебе степ лише чорніє.
Нема пісень твоїх веснянних
Про волю, щастя, — так коханних,
Давно, давно уже бажанних.

Кристалі сліз блищать на віях,
Неначе роси на леліях...
О, Боже, досить!.. Бо з роспуки
Здійму колінь на себе руки,
Щоб більш не бачить цієї муки.

Волю вже я в могилі тліти,
Ніж глум од ворога терпіти.
О, розітніться знову, стріли!
І я умру... Щоб не змарніли
В залізі руки сніжно-білі!

Е. Ежов. (Румыния).

Владеев.

Казак. Ему лет за пятьдесят... С водою не в ладах он: месяцами не умывается... Если же наметнешь ему, что не мешало-бы, мол, умыться, благо и река под боком, то он ответит: „Да, помилуйте, для чего умываться-то? все равно опять запыхлюсь!“ И он прав — он убирает, метет фабричный двор, — вся грязная, черная работа на нем... Вооружение — метла, лопата да тачка для собиранья мусора...

Новых титулований он не признает: „керенщина — это все одна... от нее и пагуба пошла!“ — При перемене квартиры ни к перевозочным, ни к переносочным средствам не прибегает: что — на нем, то и его: прорезинованная белая когда-то, но теперь замазанная до неузнаваемости первоначального цвета, куртка, такие же штаны и опорки на босую ногу; на голове остаток от донской фуражки и даже место от какарды видать... Лето. Жара. „Ты-бы снял куртку-то — жарко ведь!“ Он приостановится мести и таинственно сообщит: „рубахи нету!“

А когда скажешь ему, что, кажется, там возле Славянской церкви у дам — патронесс можно бедным кое-что из белья и даром получить, то Владеев недовольно отвернется даже и обижено проговорит: „Да, помилуйте! Разве я нищий? За подаванием рук еще не протягивал — и заработать на рубаху могу... купишь ее!“...

— И действительно купил... Купил новую с какими то голубенькими цветочками на ней... Она при малейшем ветерке кокетливо шуршала и, словно не желая

в первый же день загрязняться о немытое Владеевское тело, все время отстранялась, оттопыривалась от него... Почти вся фабрика, все рабочие по одному подходили к Владееву, поздравляли его с покушкой-обновкой и щупали доброту материи своими мозолистыми пальцами... Владеев же на это время приостанавливался мести, принимал озабоченно-сосредоточенный вид и каждому докладывал, где и за сколько купил ее...

Даже сам директор фабрики, молодой человек, проходя по двору, удивился необычному Владеевскому виду, приостановился немного и, улыбаясь, проронил: „поменьше-бы пил“ и пошел дальше. Владеев же в ответ беспомощно только развел руками: „Да, помилуйте... я и так... сказать можно!“

До покупки рубахи ныгался, было, работать и без куртки, но администрация запретила: не Африка здесь, а Европа!

Со спиртными напитками, в особенности в чистом виде, — дружен, а осталького и не признает: „одна слабость в них и головы боление“...

— Трезвым... трезвым за шесть лет нашей советской службы на фабрике этой видеть мне его не удавалось. — Из языков — признает только свой: „осударственный“, как выражается Владеев. Остальных не признает: „Да, помилуйте! да ведь, если скажем, я двадцать земель ихних прошел, так где же мне изучить все языки ихние? Нешто я профессор или философ какой?“

„Ну, а как же ты объясняешься на счет... того... самого? Догадывается. Белые зубы оскаливаются и, понизив голос, таинственно сообщает: „на пальцах... укажешь и он, идол, соображает, какую тебе плепорцию надо... Ну, а спирт оказывается-то и по ихнему спиртом называется!“ И по немой физиономии Владеева расплылась широкая, довольная улыбка... —

Зачем шел в изгнание — неизвестно: „станичники шли и я за ними — не отставать же от ребят своих!“

Аж так давно на Дону был настоящий, исправный казак: до двадцати одних гулевых лошадей было и дом — полная чаша... Пришли — разорили; умерла с горя старуха, одного сына на его глазах расстреляли, другого убили в боях против большевиков... Все пошло прахом... Не выдержал — запил. Уходили станичники в изгнание — и он за ними...

Как-то подвыпивший немец-мастер обронил на улице бумажник с деньгами. Владеев шел позади. Увидел. Поднял. Догнал и вручил ему: „На! твои деньги! да знай, голова, донского казака Владеева — мне чужого не надо!“ Тот спокватился. Вытаращил глаза и

стал угощать вином, пивом... „Не потребляю... Спирту? Спирту — можно!“ — Выпил...

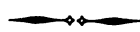
А как выпьет, то обязательно запоет: „Всколыхнулся православный Тихий Дон“, а потом „Стеньку Разина“...

Весна на него убийственно действует: в нем пробуждаются бунтарские наклонности при виде летящей на Север птицы...

Тепло. Солнце. Стоит посреди огромного фабричного двора Владеев. Стоит, задрал голову кверху и не метет... А в небе с криком несутся утки, гуси, плывут, курлыкая, журавли... Вздохнул даже: „В наши края пошла птица... И... и Боже! Как хорошо теперь у нас на Дону... Брошу все это и уйду... Уйду пешком к себе, домой“...

Глядит в небо и сам не замечает, как покатила одна, другая слеза по немой щеке его к низу...

Но вот пролет птицы окончился. Не слыша ни крика, ни гомона ее и Владеев как будто успокоился... Опять метет...

Борис Кундюков. (Белград).

МАГИ.

Мы — маги...

Мы — мрачные, властные маги...

В кругу мы, начертанном кончиком шпаги, —

Мы — тайны нездешнего брата.

Мы — шепчем заклятья...

.....

Мы услышим нервный смех,

Мы увидим бурый мех —

И далеких глаз сиянье...

Ломанную бровь...

Шепчем глухо заклинанья —

В жилах стынет кровь!..

Знаем шорох черных юбок

И улыбку дерзких губок,

Карих глаз очарованье...

Гробовой доски

Власть нарушит заклинанье

И зигзаг руки!..

Пусть же призрак воплотится!

Дым кадьницы клубится...

Дрожь от властного желанья,

Напряженных глаз —

Шепчем глухо заклинанья —

Ряд безумных фраз!

М. М. (Београд).

Карпыч.

Лемнос... Холодный, холодный ветер, принизывающий. Мелкий осенний дождь.

В землянке, где жил Иван Карпыч Краюшкин, Глазуновской станицы, сыро, неуютно и холодно.

Нечем топить Карпычу. Хотя дровяных складов и много, да все они охраняются здоровенными сенегальцами, к которым Карпыч был далеко не равнодушен, — всякий раз три раза сплевывал на левую сторону, чтоб во сне не приснился, когда встречался с кемнибудь из них.

Но, холод — что теща. И решил Карпыч попросить дров. Долго колебался, недели две, но, в конце концов решил. Перекрестился три раза на восток, — иконы не было в землянке, — оделся потеплей, во что было, и пошел.

Подождал к складу и ходит около, борется с собой — подходить или нет?

Какая то дама подошла к сенегальцу и что то быстро стала говорить. Ветер донес к Карпычу обрывок фразы: Monsieur, don...

„Ну, слава Богу, наверное его Мосейдоном зовут. Хоть имя то узнал, все может ласковой отнесется“, подумал Карпыч и поближе подошел к сенегальцу.

Дама все щебетала, сенегалец скалил белые зубы.

— Ишь ты, дьявол, тыфу на тебя... И, отвернувшись, Карпыч сплюнул, чтоб сенегалец не видал.

Дама взяла несколько поленьев и ушла.

Карпыч робко подошел к сенегальцу.

— Мосейдон, дай дров, вишь как холодно, сказал Карпыч, показывая пальцем на бревна.

Сенегалец посмотрел на него, оскалится и рукой взялся за блестящую пуговицу френча Карпыча. — Pourquoi vous? спросил он.

— Зачем же рвать то... развел руками Карпыч. Ниток нет зашивать... — Мосейдон, дай полено, подмигивая, продолжал Карпыч.

Сенегалец не понимал многого, чего Карпыч не дополнял жестами, и скалился.

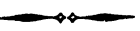
Тю, ты, нехристь, — думал Карпыч, — и родятся же такие!.. — Ну, что ж, Мосейдон, — одно полено!

— Venez à mardi, сказал сенегалец.

— Ну, вот тебе на, разочарованно протянул Карпыч и махнул рукою. — Я к тебе по хорошему, а сразу — в морду. И, повернувшись, Карпыч уныло побрел в свою землянку.

Ветер, холодный, пронизывающий ветер дул все сильнее и сильнее... Мелкий дождь все усиливался, а землянка Карпыча попрежнему сырая, нетопленная.

Эх, Карпыч, Карпыч, — а еще Глазуновской станицы!!

Е. Булавин (Канада).

Бывает собака вернее жены.

Каждый из нас, казаков, в особенности кавказцев, обладает запасом преданий от своих дедов, отцов и матерей, относящихся ко временам борьбы с горцами Кавказа. Эти предания так красочны, что почти каждый рассказ целиком просится на экран. В этих повествованиях часто чередуются зверь с добродетелью, рыцарство с коварством, культура с невежеством...

Один из довольно интересных и характерных для того времени рассказов я и хочу здесь привести.

Молодой казак, только год, как женившийся, стал „успокаиваться“ от своей буйной и полной опасностей жизни. Не раз побывал он среди горцев в набеггах, имел и знакомства среди „мирных“, бывал у них гостем, гостили и они у него. Молодая красавица жена была привлеклива с гостями-горцами также, как и с казаками, что особенно было для горцев и ново, и заманчиво, ибо их обычаем не позволяет женщинам появляться среди мужчин, в особенности среди чужих.

Однажды, когда молодого казака не было дома, прибыли к нему гости, а когда они уехали то и хозяйки дома не оказалось.

На рассвете прибыл казак и застал свой дом пустым. Было видно, что из сундука жены взято несколько ее платьев и за сараем лежала с веревкой на шее одна зарезанная собака, а другая с визгом бросилась к хозяину под ноги. В это время прибежал старик отец в тревоге, метаясь в догадках, не зная, чем это объяснить. Оказывается, он еще вперед пришел во двор сына, зная, что его нет дома еще с прошлого дня.

По некоторым признакам казак решил, что жену его увезли, но не без ее на то согласия. Как давно уехали беглецы, можно было судить по конскому помету, оставшемуся под навесом, не успевшему еще остыть. Значит беглянка или беглецы еще не далеко и достаточно две, много три лошадиных жизни и они могут быть достигнуты.

Не отдыхая, подсевлав другого коня, крикнув собаку, казак вихрем вылетел за станицу. „Серко, пошел! Чужой!“ — вырывались время от времени из перешагнутого гневным чувством горла казака.

А мысль бурлила... „Моя жена может променять меня? — того, с кем не каждый согласится поссориться, кого знает не один аул в округе и не одна станица...“

Собака, очевидно, сразу поняла, что от нее требовалось и круто повернула за станицей в сторону гор и „мирных“ аулов. „Неужели жена уехала по собственному желанию?... Нет, не может быть, в этом сомневаться можно было бы, если бы я ее не знал, ее увезли силой“. Эта мысль все время не давала покоя казaku, а между тем он проскакал вслед за бегущей впереди собакой уже добрых полсотни верст. Уже конь давно стал сдавать и был под белой пеной, казак понял, что скоро и понуждение не приведет ни к чему, — дыхание со свистом вырывалось из груди измученного животного.

„Нет, нужно больше разума... Сейчас же надо переменить коня... А вдруг συμβется Серко с пути?...“ Путь казaku казался верным, несмотря на то, что все время шел без дороги и до сей поры собака не пошла ни в один аул, а их минуло три. Никого не встречая по пути, казак вдруг увидел косяк лошадей среди кустарника, табунщика не было да спрашивать не было охоты, ружье за плечами — первый помощник. Сказано — сделал. Аркан в руку, ловкий бросок и — новый аргамак на аркане. Новый конь попался вполне выезженный и казaku не стоило больших трудов перебросить на него седло. Бросив измученного коня, он снова поскакал в погоню...

Кончился день, переменена еще одна лошадь, настала темная ночь. Давно позади мирные аулы, но судьба пока на стороне казака и никого он не встречает на своем пути. Темная ночь, короткий птичий отдых, кусок сала и хлеба, разделенный с собакой...

Стреноженный конь щиплет траву с привязанным за шею арканом. Заря — снова погоня. Собака, выйдя

из леса и ущелья, делает крутой поворот прямо на восток. Теперь уже идет по конной тропинке и вдруг, с визгом, сворачивает в густой лес. Трудно пробираться с лошадью и казак решил ее оставить, заведя в заросли, а сам с собакой и приготовленным ружьем пошел вперед, держа собаку все время около себя. Солнце уже высоко. Маленький ручей холодной воды освежает собаку и хозяина. Пройдя полсотни шагов собака тихонько завизжала и насторожилась. Остановив и взяв за шею собаку, казак увидел впереди поляну, на которой стояли усталые две лошади. Людей вблизи не было видно, но сомнения не было, что это — лошади беглецов. Подойдя ближе к опушке и внимательно осмотрев всю поляну, казак увидел на противоположной стороне, под тенью деревьев, двух человек. Один лежал, завернувшись в бурку, а другой дремал полусидя, прислонившись спиной к дереву. Для точного определения, кто это были и для удобного нападения нужно было обойти поляну с противоположной стороны.

Обойдя поляну и подойдя на несколько шагов, казак уже не сомневался, что спала его жена, а сидел неизвестный горец. Собака опять взвизгнула и от этого неожиданного, хотя и тихого звука черекс быстро схватился за ружье и стал за дерево, стараясь определить, откуда идет опасность. Несмотря на притиснутую казакom голову, собака заворчала так громко, что черекс сразу увидел в чем дело, вскинул ружье и одновременно грянуло два выстрела, не причинивших вреда стрелявшим, а только испугавших спавшую женщину. Выхватив пистолеты, соперники стали прыжками от дерева к дереву подбираться друг к другу. Снова два неудачных выстрела, угодивших в деревья. Тогда враги, выхватив шашки и выскочив на поляну, пошли друг на друга и вступили в поединок.

Не уступают один другому достойные друг друга враги. Уже кровь на лицах, на руках, тяжело дышат, но пересвета нет ни на чей стороне. Дико гичет черекс, с руганью отбивает удары казак. Нападает — отбивает, — отбивает — нападает поочередно. Сильный сокрушающий взмах горца, казак ловко парирует удар, но удар так силен, что клинок казака со звоном летит на землю, казак бросает обломок шашки, выхватывает кинжал и ловко отбивается от ударов. Нападать невозможно. Не видя выхода, казак хрипло кричит: „Жена, помоги, я безоружен“. А жена после перепуга стояла спокойно, глядя шерсть ласкавшейся к ней собаки. Она преспокойно ответила: „Вы так красивы оба в вашей схватке, что мне трудно выбрать, — кто одолеет, тот и мой“.

Видя свою неминуемую гибель, казак хватается за последний обрывок, собрал последнюю силу и крикнул: „Серко! бери, чужой!“ Верное животное сразу поняло, что хозяин не забавляется, а в большой опасности, в два прыжка, с яростным ворчанием вцепилось сзади в шею горца. Последний взвизгнул, расставил руки, выронил шашку и повалился с собакой на землю. Теперь казак быстро подоспел на помощь Серку, выхватил кинжал у горца, а Серко сам сделал свое дело и чуть не отделил голову от туловища.

В изнеможении казак повалился на траву и потерял сознание. Долго ли, коротко пролежал казак в таком состоянии, а только придя в себя, увидел следующее: Серко продолжал лежать около черкеса, точно часовой на посту, очевидно думая что злодей притворился. Жена сидела у головы мужа и молча плакала.

Не спрашивая о причине слез, казак молча поднялся, молча подобрал ружья, оттащил убитого в сторону, забросал ветками с листьями, отыскал свою лошадь, сел, показал, молча, на лошадь жене, выехал из ущелья, избрав прямое направление, и тронулся на север. Не проронив ни слова во время пути, казак возвратился домой на третью ночь. Здесь с тревогой его ждал старик отец, который не зная в точности, что случилось, несчастье или позор, ни словом никому не обмолвился и никто о случившемся не знал, — думали, что казак уехал в другую станицу. Поздновечером с отцом только и сказал казак: „Завтра узнаешь все“.

Запер жену в чулан и сам завалился спать. Наутро, быстро он созвал всех своих знакомых и друзей станичников, родственников своих, родственников жены, поставил на стол водку, закуски и стал угощать всех.

Выпив по паре стаканов, все оживились, но не знали причины столь внезапного „торжества“. Многие заметили отсутствие жены и спрашивали: „А где же жена?...“ — „Сейчас придет“ — отвечал казак и попросив минуточку внимания он иносказательно рассказал свою историю, а главное подчеркнул, ее ответ во время поединка и в заключение спросил: „Что заслуживает такая жена?“ — „Смерть такой жене!“ все ответили хором, а отец жены, тесгь добавил: „Да, бывает собака. вернее жены“. „Вы правы друзья мои“ — ответил казак и вышел из комнаты.

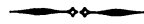
Через минуту он вернулся, ведя за руку утомленную, побледневшую свою красавицу жену, которая только повела кругом глазами, опустила их, задрожала, но ничего не сказала. „Вот та жена, про которую я вам рассказал, а это кинжал того черкеса“ — и вы-

хватив кинжал, по самую рукоятку всадил его в грудь жены. Еще не успела упасть несчастная женщина, как казака уже не было в хате.

Все замерли в немом оцепенении, никто ничего не успел сказать, как все так быстро и жестоко случилось.

Послышался топот под окнами. Юноша казак, брат убитой, завыл, как раненный зверь, схватился за кинжал и выскочил из хаты... Побежал домой, подседлал коня и только сел на коня, как у ворот появились отец и старший брат. Они взяли под уздцы коня, ссадили молодца, отвели рассвирепевшего юношу в хату и когда он успокоился, спокойно ему заявили: „Порыв твой заслуживает высокой похвалы, но в этом случае для места нет места, — здесь есть позор на нас всех, который собственной рукой смыл муж нашей дочери и сестры...“

Только через шесть лет вернулся казак в свою станицу с черкешенкой женой и двумя детьми и никому не сказал, где он пробыл шесть лет.

Гнат Макуха. (Югославия).

* * *

Пливуть гуси за водою по рідній Кубані, — Там блукає козак бідний в драному жупані. Ой блукає та й згадає колишню годину, — Занапастив вражий москаль рідную країну... Колиса були степи вільні, була своя воля, Жупан з шовку, штани з плису, возив добро з А тепер я зовсім старець, нічого не маю, [поля...]

В ріднім степу неоранім долю проклинаю.
У лісах та очеретах доводиться спати,
Рідних дітей жахаєшся і рідної хати...
Зачиняють церкви Божі, не дають молитись,
Не дають по християнськи вмерти, молодим жени...
... Не дощі лани вмивають ранньою добою, [тись...
А обідране козацтво гіркою сльозою...
Отак роблять москалики, що зуться братами, —
Гірш від турка, від ногая сміються над нами...

Профессор Милюков об очередном кризисе большевизма.

Ни для кого не секрет уже, что большевизм переживает в последнее время очередной затяжной свой кризис, по всем данным, видимо, почти безнадежный. Творческие его силы, поскольку они были вообще, иссякли совершенно. Теоретически, после смерти Ленина и изгнания Троцкого, он превратился в мертвую псевдореволюционную схоластику и догматику. Его идеология давно уже потеряла свою первобытную привлекательность и обаятельность. Лучшим доказательством этого может быть очевидный и повсеместный крах коммунизма в Европе. На Востоке его перспективы тоже прогрессивно падают. Там он сыграл только роль фермента для национального осознания некоторых азиатских народов.

Все это давно уже не тайна для каждого, кто более или менее внимательно и критически следит за тем, что происходит в красной олигархии „вождя всемирного пролетариата“, недавно как раз с восточно-азиатскою помпой и торжественностью отпраздновавшего юбилей 50-ти летнего „биологического“ своего существования на земле.

Понимают это теперь даже многие из тех, кто еще недавно были верховодами под красными знаменами. Сенсационная книжка П. Истрати, известного румынско-французского писателя (*Vers l'autre Flamme. Après seize mois*

dans l'URSS, 1929. К другому свету. После 16 месяцев в СССР), вчерашнего фанатического приверженца III интернационала и горячего поборника московского большевизма, является неопровержимым изобличением оборотной стороны гнусного вида медали т. наз. большевицкой диктатуры пролетариата.

Естественно поэтому вполне, что по эту сторону большевицкой границы делаются теперь кое где попытки оценки положения вещей в СССР и прогноза возможного его развала и падения.

Среди выступлений этого рода со стороны русской эмиграции приходится в первую очередь отметить небезинтересный доклад в Праге вождя русского либерализма проф. Милюкова на тему: „текущий политический момент“. Он весьма назидателен не только тем, что в нем сказано, но и не меньше тем, что в нем не сказано и замолчено, особенно по поводу перспектив национального вопроса на Востоке Европы.

По мнению П. Н. Милюкова, последние события в СССР свидетельствуют о том, что срок падения большевицкой диктатуры очевидно приближается. Есть известная аналогия между теперешним положением и тем, которое предшествовало непу. Решительная ударность большевицкой официальной политики — в обоих слу-

чаях. В то же время нельзя не отметить основных отличий между этими двумя фазами большевицкого кризиса. Сейчас нет прежней веры среди коммунистов в успех их революционного дела. Более того: нет идейных вожakov старой школы. Прежние лидеры физически сошли или политически отстранены со сцены событий и нечем их заменить. Ко всему — страна экономически до крайности разорена. Ее ресурсы добольшевицкого времени окончательно иссякли. Не исключена поэтому перспектива новой голодной катастрофы, хуже той, что уже разорила СССР. Нет прежней дисциплины и солидарности в лоне самой коммунистической партии. Однако, из этого отнюдь не следует, что Сталин совершенно изолирован или что держится он только благодаря Г.П.У. Наоборот, его поддерживает судорожно весь партийный аппарат и, понятно, большевицкая бюрократия. Этого достаточно, чтобы командовать человеческим материалом. Но этого мало, чтобы суметь удержаться против совершающихся неизбежных событий. Ударная экономическая политика большевиков с ее пятилеткой, очевидно, обречена на неизбежный провал, одинаково — как в области промышленности, так и земледелия. Словом, большевизм стихийно движется к неминуемому тупику.

Возникает вопрос: каков же выход из этого его критического положения? — По мнению докладчика возможны два выхода: могут победить правые элементы коммунистической партии; тогда позиции будут сданы „на тормозах“ и все дело обойдется без внешнего краха, хотя и придется сделать ряд внутренних реформ, во всяком случае более радикальных, чем неп. Возможен, правда (хотя по мнению проф. Милюкова — менее правдоподобен), иной исход: не эволюционный, а революционный изнутри. Однако, такой взрыв революции, повторяет П. Н. Милюков, мало вероятен. Крестьянство едва-ли сможет массово выступить с целью ниспровержения большевицкой диктатуры. А рабочий пролетариат, хотя и фиктивно, но все-таки считает себя хозяином в СССР и поэтому сомнительно очень, чтобы он захотел взять на себя почин антибольшевицкого восстания. Правда, революционный исход из этого положения мыслим и даже возможен в другом виде, а именно: путем национальных восстаний на окраинах с целью отделения их от московского центра. С точки зрения Европы, добавляет докладчик, это было бы равноценно хаосу. Тем не менее, многие жаждут именно такой развязки современного положения дел в Совдепии. На этот предмет среди сепаратистов

существуют за границу готовые уже национальные правительства, намеренные активно выступить в решительный момент. Они пользуются поддержкой со стороны некоторых иностранных сфер. Докладчик такой выход из современного большевицкого кризиса находит опасным с русской патриотической точки зрения.

Оканчивая свой доклад, П. Н. Милюков отметил положительные возможности и значение эмиграции в данный момент. Это прежде всего: свободное печатное слово, которого нет у большевиков и чего боится красная диктатура; далее — новая молодая интеллигенция, с хорошей интеллектуальной и специальной подготовкой, какой тоже мало в современной СССР, благодаря понижению там общего культурного уровня.

— Не будем останавливаться здесь на прениях, вызванных докладом проф. Милюкова. Отметим только голос г. В. Я. Гуревича, эсера черновского толка и одного из организаторов блаженной памяти социалистической „Лиги Народов Востока Европы“, выступившего с призывом выйти навстречу „здоровым желаниям национальностей“ с б. территории царской империи. Его голос был „гласом вопиющего в пустыне“. Докладчик в своем заключительном слове напомнил ему, что поддержка, которую восточно-европейские сепаратисты находят вдоволь за границей, далеко не идейного только характера.

Именно в той своей части, которая касалась национального вопроса, доклад П. Н. Милюкова весьма назидателен и поучителен, ибо еще один лишний раз показал, что русский либерализм, даже наиболее демократического оттенка, из послереволюционной истории ничему не научился, а из дореволюционной мало что позабыл, и что во всяком случае ему чуждо современное действительное демократическое понимание и оценка национально-освободительных стремлений среди угнетенных народов Востока Европы.

Пусть, поэтому, русский национальный империализм, все еще лелеющий несбыточную мечту о восстановлении былой „единой и неделимой“, не будет удивлен, если в будущем порабощенные ныне красною Москвою народы общим и союзным фронтом выступят против Москвы, зная, что оттуда им ждать нечего, что каким бы ни был там новый режим, к нерусским национальностям и окраинам он всегда будет относиться по старому, ибо, кажется, на свете есть две интеллигенции, которые никогда и ничему не научатся в национальном вопросе, это — венгерская и русская.

Братья-казаки! Читайте и помогайте распространять среди казаков журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

Пусть не будет казака, который бы не читал своего журнала.

Читатели, сообщайте в редакцию адреса своих знакомых и приятелей, которые еще не получают журнал „В. К.“

И. Билый.

Еще к горскому вопросу.

Наши читатели, вероятно, помнят еще статью Т. Игнатовича „Казачество и горский вопрос“, помещенную в №№ 36—38 „В. К.“ Статья эта имела своей задачей остановить казачью политическую мысль на горском вопросе, как части проблемы казаче-кавказских отношений, и сделать попытку некоторой систематизации и критической оценки существующих в этой проблеме положений с точки зрения народногосударственной казачьей идеи. В частности, несколько подробнее обсуждался и так называемый горский реэмиграционный вопрос и связанная с ним горская государственно-территориальная программа, поскольку неправильная постановка их со стороны некоторых горских политических кругов заключает в себе угрозу осложнений в будущих казаче-горских отношениях.

Положения статьи Т. Игнатовича обосновывались и иллюстрировались географической картой Северного Кавказа и статистическими данными, взятыми из официальных источников, точно указанных в тексте. Автор статьи сознательно уклонялся от каких либо голословных цифр, голословных гаданий. Объективное, спокойное исследование вопроса, без какой либо заранее предвзятой идеи, без малейшей враждебности к горцам. — вот характеристические особенности статьи Т. Игнатовича.

По поводу этой статьи в № 4—5 парижского журнала „Горцы Кавказа“ (за прошлый год) находим статью г. Рядового Горца под названием: „Горский вопрос на страницах журнала „Вольное Казачество““. К сожалению, статья г. Рядового Горца, как по своей форме, так и по содержанию, не может быть признана ни шедевром публицистической литературы, ни шагом вперед в деле выяснения горского вопроса. Господин Рядовой Горец имеет, судя по его статье, весьма смутное представление о том, о чем взялся говорить.

Взявшись сказать свое слово в горском вопросе, г. Рядовой Горец не потрудился (или оказался не в состоянии?) понять сказанное в статье Игнатовича, как и не сумел понятно высказать свою мысль и так или иначе, но хоть немного логически ее обосновать. Смысл же цифровых данных статистической таблицы, приведенной в статье Игнатовича, так и остался для г. Р. Горца неразгаданной задачей. В то же время сам он оперирует цифрами и данными, взятыми, вероятно, с потолка, и так, как того желает его левая нога. Ко всему этому присоединяется еще явная недобросовестность г. Р. Горца, проявляющаяся в передергивании фраз из статьи Игнатовича и приписывании Вольному Казачеству мыслей и намерений, ему совершенно не принадлежащих.

Такой характер статьи г. Р. Горца, свидетельствующий только о неподготовленности его к обсуждению затронутого вопроса, конечно избавил бы нас от необходимости обратить внимание Вольных Казаков на эту статью. Однако, то обстоятельство, что статья г. Р. Горца появилась в официальном органе единственной в настоящее время горской политической организации, что редакция „Горцев Кавказа“ не только не сочла необходимым отмежеваться от этой статьи, а, наоборот, в редакционной заметке с ней солидаризировалась, — все это заставляет нас волей-неволей считаться со статьей г. Р. Горца уже не как со случайным мнением случайного безответственного лица, а как с явлением симптоматическим, имеющем свое основание в общем настроении горской общественности в данный момент. Явления подобного рода, как бы мы их ни оценивали, должны быть Казачеством внимательно взвешены во имя интересов самого Казачества. Казачеству не могут быть безразличны действительные, а не показные планы и намерения его ближайших соседей — горцев — и их способ политического мышления. Поэтому мы рекомендуем В. К. ознакомиться в оригинале со статьей г. Р. Горца и считаем не лишним сделать здесь несколько замечаний по поводу некоторых утверждений горцев.

Горцы упрекают „В. К.“ в утверждении казачьего великодержавия и неизжитой империалистической психологии, усвоенной от русской государственности:

„Редакция и сотрудники „Вольного Казачества“, говорит г. Р. Горец, очевидно поставили себе задачей привить казачьей массе сознание права и необходимости казачеству быть стержнем, как выражается автор (Т. Игнатович. И. Б.): — Огромного комплекса общности интересов народов — „от холодных финских скал до пламенной Колхиды“ и еще далее вплоть до — „крыши мира — поднебесного Памира“. А вот другие слова, еще более подчёркивающие великодержавное устремление казачьих верхов: „Вот поистине фактор величайшего исторического значения для современности и будущего востока Европы“. Таково стремление новой самостоятельной руководящей головки“.

— Так понял и, передернувши фразы, процитировал г. Рядовой Горец следующее место статьи Т. Игнатовича:

„Сравнение физических сил, борющихся сил, казалось бы совершенно не в пользу Казачества. Однако, не одной лишь физической силой решается борьба среди человеческих сообществ. Главное значение имеет сила моральная, право, — а они то на стороне Казачества, ведущего свою оборонительную войну под знаменем святых общечеловеческих идей свободы, равенства, братства и вольного самоопределения народов. Это чувство правоты своего дела удесятерит физические силы Казачества, не так то уж и малые при осознании его культурно-племенного единства и неразрывности политических и экономических интересов Казачьих Земель“.

Определяя вполне отрицательно свое отношение к действующим русским идеям, Казачество по необходимости должно стать на путь определения себя и по отношению к другим народам, ведущим такую же оборонительную борьбу против российского империализма. Здесь в общем фронте против общей опасности создается та могучая физическая сила, которая недопустит грубого насилия над каким либо из малых народов. Борьба Казачества за его права становится вполне верною, когда плечо к плечу у Казачества оказывается такой союзник, как многомиллионная Украина. Возобновление ланной традиции казачьего братства Украины, Дона, Кубани, Терека... — вот поистине фактор величайшего исторического значения для современности и будущего Востока Европы. Сердечный союз Казаче-Украинских Земель — это центральный стержень огромного комплекса общности интересов народов „от холодных финских скал до пламенной Колхиды“ и еще далее вплоть до „крыши мира“ — поднебесного Памира“.

— Мы нарочно сопоставили здесь эти две довольно длинные цитаты из статей г. Р. Горца и Т. Игнатовича, дабы продемонстрировать перед читателями политическую „понятливость“ некоторых наших оппонентов из горцев и „обоснованность“ обвинений Казачества в великодержавной империалистической психологии.

Да, — Казачья Идея ставит вопрос создания на Землях Европейского Казачества государства большого территориально и по населению.

Да, — Казачье Государство, имея достаточно своих внутренних сил, в братском союзе, с Украиной и другими народами или государствами имеет все данные отстаивать свою независимость от чьих бы то ни было поплзновений.

Да, — силы Казакии и Украины — это стержень в огромном фронте поработенных народов (от Финляндии и до Памира!), это гарантия самостоятельного существования многих малочисленных народов и государств, не по своей воле пребывающих сейчас в составе СССР или РСФСР.

Если этих наших положений, столь понятных рядовым казакам, не могут или не хотят понять рядовые

горцы Кавказа, то мы, к сожалению, ни в чем не можем им помочь...

Горцы обвиняют В. К. в желании найти разрешенные казачьи вопросы в дальнейшем расчленении горцев и в стеснении их территориальных владений. Господин Р. Горец говорит об этом в таких „категорических“ выражениях:

„Казачеству необходимо для ослабления горцев оттянуть у них по возможности больше территории с горским населением. Запереть их в горах, оставив в прежнем безвыходном положении, дабы лишить горцев национально-государственного развития“.

Каким образом и какие именно казачьи вопросы думает разрешать „злокозненное“ Вольное Казачество „расчленением“ горцев, — покрыто совершенным мраком неизвестности; не говорит об этом и хитроумный господин Р. Горец. Зато весьма раздраженно говорит он о „стеснении территориальной жизни“ горцев, какое видит он в критическом отношении к горским планам территориального расширения горской государственности по Кубань, Куму и Маныч, в связи с фантастическим проектом реэмиграции на эти „горские“ территории полутора миллиона горцев, якобы находящихся в настоящее время в Турции.

Хотя вопрос относительно численности горского населения на Кавказе и в Турции с достаточной ясностью и обоснованностью уже развит в статье Т. Игнатовича, все же остановимся еще раз на нем, поскольку возбуждает он такие страсти у горцев.

Прежде всего, относительно источников для определения действительного числа горцев. Такими источниками, наиболее приближающимися к действительности, могут считаться только всеобщие переписи населения, произведенные на основании правил демографической статистики. Всякие иные исчисления кем-либо населения на глазомер, произвольно и применительно к тем или иным целям, не могут иметь какого либо объективного значения. Поэтому в вопросах спорных можно основываться только на данных официальных, точно цитируя соответствующие цифры. Так и было сделано в статье Т. Игнатовича, где приведены были новейшие данные о горцах по переписи 1926 года и официальные турецкие данные. Горцам не нравятся эти данные и они оперируют закругленными цифрами, совершенно не указывая откуда эти цифры ими взяты и какое имеют основание. Кроме того, г. Р. Горец смело утверждает, что он, якобы, придерживается статистических цифр царского периода, каковые будто бы дают более благоприятную для горцев картину. Не знаем, где раздобыл г. Р. Горец эти „благоприятные“ цифры, однако, точные данные переписи 1897 года, приведенные в книжке И. Билого „Казачьи Земли“, показывают число горцев на всем Северном Кавказе всего в 1100300 душ, в то время, как перепись 1926 года дает цифру 1450476 душ горцев. Благоприятное мнение г. Р. Горца относительно данных „царской“ статистики, очевидно, основывается на таком же полном незнании ее, как и новой советской.

Мы оставляем сейчас на статистической совести г. Р. Горца его утверждение, что „в царские времена статистика о горцах фактически хромала не менее как на 15%“, однако, не можем не считать совершенно обосновательным утверждение, что по меньшей мере 25% горского населения уклонилось от переписи 1926 года. Всем нам прекрасно известен тот всепроникающий административно-политический аппарат, какой создали большевики, и уклониться от какого на территории СССР нет возможности даже отдельным людям. Если действительно, как утверждает г. Р. Горец, „в части Горного Дагестана, Малой Чечни, а также не мало уголков Осетии, Ингушетии, Кабарды власть советов ни в лице своих войск, ни в лице администрации, а тем более в форме статистики не проявлялась“, то почему, спрашивается, сам то г. Р. Горец не остался в этих „спокойных“ уголках у себя на родине, а предпочел уклониться от большевиков в города Западной Европы? — Утверждение, что 25%, т. е. около 400000 горцев уклонилось от переписи 1926 года, такая же необоснованная ничем легенда, как легендарны и все иные цифры, приводимые г. Р. Горцем. Подобную ста-

тистическую „развесистую клюкву“ можно разводить лишь в статьях, рассчитанных на полнейшую неосведомленность в горско-кавказских вопросах чужеземных читателей, но несколько не место ей в органе, издающемся на русском языке. Такая цифровая эквилибристика характеризует только несерьезное отношение к вопросу, — ведь дутыми цифрами на бумаге действительного количества горцев увеличить нельзя.

Относительно числа горцев-эмигрантов в Турции в статье Игнатовича приведены были тоже официальные турецкие данные за период перед Балканской войной 1911 года: 400 тысяч черкесов и за период по Европейской войне — 250 тысяч черкесов и было пояснено, что подобное уменьшение числа горцев следует отнести за счет участия горцев в кровопролитных войнах этих годов, а равным образом и за счет ассимиляции их с турецким населением. Госп. Р. Горец на это говорит:

„Я не буду вдаваться в разбор причин, почему турецкая статистика определяет численность горцев только в 250000. Вероятно, для этого имеются основания. И все же горцы, несмотря на утверждение автора (г. е. Игнатовича. И. Б.) и свидетельства турецкой статистики, в пределах бывшей Турецкой империи считают свою эмиграцию в количестве около миллиона душ. И действительно, в районе одного, только Сиваса горцев проживает до 400000 душ“.

Ну, что ж, считают миллион, — пусть себе считают. Голословность утверждения о существовании 400.000 горцев в районе Сиваса достаточно легко установить, заглянувши в первый попавшийся статистический справочник Турции.

Если горцы, выступая на политическую арену с проектом реэмиграции на Кавказ из Турции, называют цифру миллион душ, то верят ли они сами в действительность этой цифры? Если верят, то чем могут пояснить, что это огромное количество людей совершенно не проявляется во вне своих репатриационных желаний, что не имеет совершенно каких либо политических организаций, ни органов прессы? что идею их репатриации представляет на международном поле небольшая лишь группа в десяток — два интеллигентов, эмигрировавших в последние 15 лет, и пздающая на скромные гроши в Париже свой скромный орган? Если же не верят, то не рискованно ли из-за фантома впутываться в совершенно конкретные споры со своими соседями на почве неосуществимой территориальной программы горской государственности? Может ли быть оправдана подобная политика горских патриотов?

Горская территориальная программа формулируется г. Р. Горцем и обосновывается так:

„Горцы вводят в свои границы бывшую Черноморскую губернию, где совершенно не имеется казачьего населения, но живут горцы и около 160 тысяч инородного населения. Район Новороссийска выделяется в пользу казачества, как необходимый для них черноморский порт“.

— Приведенная г. Р. Горцем цифра не соответствует ни переписи 1897 ни 1926 г., т. к. жило всего горцев в Черноморской губернии: в 1897 г. 2.200 душ на 57.478 душ всего населения, а в 1926 г. горцев 7.700 душ на 291.400 душ всего населения, среди которого насчитывалось: 96.200 русских и 103.900 украинцев.

„Горцы вводят в свои границы (продолжает г. Р. Горец) часть левобережной территории бывшей Кубанской области с населением около 450 тысяч, из коих около 130 тысяч горского населения, до 150 тысяч прочего неказачьего населения и остальное население в количестве до 200 тысяч душ принадлежит к казачьей национальности“. „Казачество еще менее может иметь претензии на территорию южнее Маныча, где опять таки не встречается никакого казачьего населения, а коренное караногайское население еще в 1918 году выразило желание войти в сожителство и государственные границы горцев Кавказа. А выделение из территории горцев небольшого терского казачества, которое вплелось в территорию и жизнь горцев, не осуществимо“.

— Нет смысла останавливаться на подобной географическо-статистической фантазии, ни указывать на

очевидную ее несостоятельность. Читателей наших для полного уяснения себе картины населения этих „горских“ земель отсылаем к данным, приведенным в книге И. Билого „Казачьи Земли“ и к данным таблицы в статье Т. Игнатовича. Из тех данных ясно, что не „на основании каких то географических продолжений“, как навивно думает Р. Горец, а на основании этнографического состава населения эти земли должны войти в состав Казакии. На 134.372 души населения округов Сунженского, Ачикулакского и Кизлярского, только 2.485 душ было горцев и 21.646 ногайцев... Относительно же этнографических прав горцев на территории вплоть до берегов Кубани, Кумы и Маныча, то они не серьезнее прав и до берегов Днепра, Дуная, Вислы.

Если кто либо из горцев думал бы осуществить подобные притязания на эти территории силою оружия или в надежде на внутренние разногласия среди населения Казачьих Земель, то ему пришлось бы горько разочароваться. Иностранное крестьянское население Казачьих Земель в подавляющем большинстве — украинцы, часто такие же потомки казаков-Запорожцев, как и большинство казачества Кубанского, и при угрозе инкорпорации в состав какого либо чужеродного государства, наверно найдется общий язык для стовора всего населения Казакии. Ставка г. Р. Горца на разрыв в Казачьих Землях в этом территориальном вопросе наверняка будет бита. Равным образом неудачей кончилась бы и попытка проглотить терских казаков, — слишком большой кусок представляет из себя староказачий Терек и слишком острые концы имеет он на своем гербовом копыле...

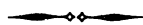
Выдвигая идею горской государственности на основании лишь механического объединения горцев, г. Р. Горец совершенно не желает считаться с географическо-экономическими условиями, с жизненными интересами отдельных горских народностей и их свободной волей распоряжаться своею судьбою. Так, с весьма большим неудовольствием говорит он — как о раздроблении казачеством горского единства — о добровольном политическо-государственном соглашении кубанских горцев с кубанскими казаками и о стремлении всех осетин, как северных так и южных, объединиться в один политический организм в составе Грузии.

Казачеству приписывается враждебное отношение к идее Кавказской Конфедерации, хотя Казачество в действительности более кого либо иного заинтересовано в создании у своих южных границ сильного и спокойного государственного организма. Казачество не закрывает, однако, глаза на те немаловажные препятствия, какие лежат на пути к упорядоченно государственно-политической жизни на Кавказе. Помимо армян-

ского вопроса, таким препятствием следует считать и романтически-объединительную психологию некоторых горских политических кругов, которая в будущем может привести не только к конфликту с Казачеством, но и с Грузией из-за осетинского, а с Азербайджаном из-за лезгинского вопросов. Тактическое замалчивание ныне этих вопросов делу нисколько не поможет.

Кстати, еще об открытиях г. Рядового Горца относительно племенно-языковой классификации всех горцев в четыре лишь группы. Мы здесь не беремся решать — что это? — полное ли невежество, совершенно недопустимое для лица, берущегося говорить о горской этнографии, или сознательная перекладка, рассчитанная на неосведомленность читателей? Ведь если бы г. Р. Горец сделал к сведению не Т. Игнатовича, а любой из Академий Наук сообщение о том, что весь Дагестан говорит (или — только понимает!) на кумыкском языке, — из этого была бы огромная научная филологическая сенсация... — Мы думаем, что редакции „Горцев Кавказа“ будет когда нибудь стыдно за печатание подобных откровений. — Научная классификация горцев обозначена была в таблице к статье Игнатовича в первой графе числами по списку народностей. Кто умеет читать статистические таблицы, тот легко сможет уяснить себе действительное племенное распределение горцев.

В заключение — несколько слов принципиального характера. Современное человечество изжило уже старое иезуитское правило, что цель оправдывает средства. Если высока цель, то современная мораль требует и высоких, чистых путей к ее достижению. Современное правосознание совершенно не считается с силой, как правом, и предпочитает логически-разумные основания перед основаниями чувств и желаний. Состояние науки истории, географии и вообще народоведения в широком смысле этого слова ныне таково, что, для привлечения их к вопросам политическим, необходимо весьма хорошее знакомство с ними. Разрешения спорных международных вопросов современное человечество все чаще и чаще ищет не через односторонние акты, создаваемые силою оружия, а через обостороннее мирное взвешивание аргументов за и против. Наиболее веским аргументом считается ныне принцип непринужденной воли большинства населения. Способы, стоящие в противоречии с морально-правовым самосознанием современного цивилизованного человечества, не только не способствуют достижению поставленных целей, но, наоборот, часто от них удаляют. — В деле достижения высокой цели национального самоопределения, горцы Кавказа — надеемся — наши друзья, — все это также должны хорошо помнить.

О. Долинский.

П. Истрати обличителем большевизма.

I.

Что московский большевизм переживает свои роковые сумерки — это известно не только его принципиальным противникам и врагам; это начинают, наконец, понимать и те из восторженных недавних его приверженцев, для кого коммунизм был более, чем революционная догма или казенная вера в непогрешимость III Интернационала.

Панаит Истрати, известный популярный румынский писатель, пишущий по французски свои литературные произведения, — с первого же дня большевицкой революции, был горячим и преданным ее приверженцем.

У большевиков он тоже пользовался огромною популярностью. Они считали его своим. Он был почетным гостем советов во время торжественного празднования 10 годовщины красного октября.

Панаит Истрати ехал в СССР как правоверный мусульманин паломничает в Мекку. Там он надеялся увидеть осуществление тех великих социальных идей, беззаветному служению каковых посвящена вся его жизнь, литературная и публицистическая деятельность. Он не-

поколебимо верил в то, что в царстве красного знамени нет места социальному гнету, что там торжествует социальная справедливость, что там создается новая жизнь и, главное, что там применяется в жизни новая и настоящая мораль.

16 месяцев провел этот романтический фанатик большевизма в СССР. Изъездил ее вдоль и поперек; побывал во всех ее главных центрах и второстепенных пунктах. И делал все это не как случайный турист, знакомился с пролетарским государством не только из окон комфортабельных вагонов курьерских поездов... Отнюдь нет! Наоборот, он сразу-же поставил своей задачей войти в глубину советской жизни; окупаться в ней до дна; изучить ее в натуральном виде... Одним словом, познать ее такую, какова она есть на самом деле...

Результатом этих наблюдений является пока что первый том предполагаемой трилогии, озаглавленный: — К другому пламени. После шестнадцати месяцев в СССР. (Vers l'andre flamme. Après seize mois dans l'U.R.S.S. — Paris. 1929). Книга очень интересная и весьма поучительная, обличитель-

ная духом и тоном, меткая и под час едкая уничтожающе характеристико-обесчисленных злодеяний большевика, шулерски замаскированных в ураевольционную фразеологию и оправдываемых, обыкновенно, интересами партии, молодым красным патриотизмом и т. п. красивыми словами и фразами.

Панаит Истрати неумолим, как обличитель. Раскаленным железом своего пламенного слова он с возмущением ветхозаветных пророков — прижигает отвратительные язвы большевицкого негати́ва.

Это понятно. Ибо в лагере большевиков он был чистокровным Дон-Кихотом. — Социализм Панаита Истрати коренится в его сердце. Его революционность покоится на стихийном чувстве... Большевиком он стал потому, что его возмущали преступные контрасты современной цивилизации.

Панаит Истрати полагает, что эта цивилизация не имеет права на существование и что „все средства дозволены, дабы ее уничтожить“.

В этом смысле он был и остается непримиримым большевиком. Поэтому он очутился, естественно, в лагере московских большевиков, приветствуя в большевизме стихийно-разрушительную силу, которая должна раз навсегда уничтожить современную „гнусную цивилизацию“.

— „Дух разрушающий — дух созидующий“ — гласит известный революционный лозунг. Но так ли это на самом деле? Пример московского большевизма показывает, что далеко не так.

Панаит Истрати на собственном опыте, побывав в СССР, — убедился в этом. Отсюда его трагическое отчаяние. Признание себя побежденным, как искренно изложено все это в его исповеди в начале вышеназванной его книги.

В чем же дело?

Выходит, что как будто этот старый „проклятый мир“ не совсем еще изжит. Разрушаемый даже большевиком тараном, он снова воскреснет к новой жизни, правда, в более уродливых и карикатурных формах, как это наглядно можно наблюдать после десятилетнего существования „социалистического“ государства, возглавляемого Москвою.

„СССР — говорит в своей исповеди Истрати — это наименее буржуазная страна в мире, но какая более всего мечтает о буржуазии, по примеру всех народов, которые медленно освобождаются от патриархальной жизни... Вот почему я полагаю, что было несчастьем, что наиболее грандиозная попытка построить социализм была сделана именно в России“ (стр. 44).

Понятно, что коммунисты тут будут в меньшинстве и массы не прельстятся их пропагандой.

„Скажем — говорит Истрати, — что было бы два миллиона коммунистов, начиненных доктринами, с опустошенными сердцами и мозгом, автоматов фордизма и американизации, для которых чувства — это буржуазное недомогание, а любовь — простой половой акт: остается все еще 150 миллионов, — целое человечество, — которое живет и хочет жить, культивируя все то лучшее, что у нас наиболее вечно и в то же время наиболее движущее...“ (45).

Истрати авансом парирует упрек, что, мол, в СССР за всеми народами признано наиболее широкое право на самоопределение и что, стало быть, каждый из них может быть счастлив по своему.

По этому поводу он иронически отвечает: „конечно, они располагают собою в роде того, как молодые девицы в средние века, которые были так свободны, что могли кашлять, сколько хотели, но которые заключались в монастырь, если они не хотели выйти замуж за человека, избранного их родителями“ (46).

Большевизм разедаёт и подтачивает изнутри рак ультрапартийного бюрократизма, свора чиновничества от революции, монополизирующая всю власть и средства существования в своих руках, подло и беспощадно бьющий по голове каждого инакомыслящего или ослушавшегося. Это — ужасная саранча, „которая пожертвует всем для благоденствия своей дорогой доктрины, размалывая в порошок невинных“ (Стр. 48). Именно, это обстоятельство более всего возмущает Истрати.

— „Я знаю — пишет он по этому поводу — одну вещь: я знаю, что подавляющее большинство людей моего класса пришло к власти, и, что, очутившись у нее, оно сейчас же начало обжираться и, имея полон рот, оно отгоняет от своего стола и заставляет умирать с голоду всех своих меньших братьев, которые не разделяют его мнения“ (49).

Наибольшим злодеянием, по мнению автора является то, что в современной России убито доверие среди людей и что процветает махровым цветом донос.

— „Их порча наиболее бесчеловечна: если вы хотите есть, даже худо, нужно быть в „линии“; нужно еще доносить на товарища-брата, который не желает этого.“

— „Таким образом — продолжает Истрати, Россия пришла к такому бесчестью, какого мир никогда не знал: бросила одну половину того же самого класса против другой половины, компрометируя ту, которая ест и лаёт, деморализируя ту, которая голодает стиснувши зубы.“

Но более того, она убила будущее, ибо ряды комсомола, ряды молодежи окончательно испорчены“ (53).

Истрати прекрасно понимает, что это обличение большевизма верховодов и публичное разоблачение бесчисленных злодеяний существующего московского режима — не пройдет ему даром.

Он отвечает на сделанный ему уже упрек в дуэли чии. Он отвечает попутно и на вопрос в курсе ли он того, что творится в тени красного Кремля.

Вот его дословное заявление относительно этого второго вопроса:

— „Я отвечаю — нет. Одна десятая международного коммунистического пролетариата не знает точно того, что происходит в России; иначе — партия целиком опустела бы и была бы основана другая большевизмская партия на новых началах — честных и какая не отдала бы вожакам всю власть без ограничения...“ (61).

Оставаясь и далее беззаветным приверженцем идейного большевизма, Истрати заявляет себя непримиримым врагом и обличителем фактического большевизма, который во имя абстрактной доктрины убивает настоящую жизнь.

Несколько соответствующих цитат из его книги наглядно подтвердят сказанное.

Истрати всеми фибрами своей души верит почти в месианистическое предназначение советского государства.

— „Таким образом — пишет он (157) — СССР это единственная в мире страна, где человек хочет много: где его стремления действительно революционны.“

Но одно дело — хотеть, а другое — уметь и мочь. Истрати упрекает большевизмских зодчих в том, что, поставивши себе грандиозную задачу перестроить весь мир, фактически они не в состоянии делать обыкновенный кирпич, а без кирпича — трудно построить даже самое обыкновенное здание.

Поэтому поводу и à propos большевизмского безисходного доктринерства, он не без иронии напоминает об одной старинной легенде о постройке Аржешского монастыря. Предание говорит, что каждой ночью разваливалось, — то, что днем было сооружено каменщиками. Оказалось, что для спасения дела требовалась только одна человеческая душа и архитектор, мастер Маноль, не задумываясь, решил пожертвовать своей супругою, лишь бы его постройка была увенчана успехом.

— „Но что же должны положить в камень коммунистические строители, иронически спрашивает Истрати, чтобы их дело удалось? Нет-ли у них тоже супруга, которая называется Доктрина и которая несравненно более виновна, чем невинная жена архитектора Маноль? Разве не в ней все несчастья социалистического дела?“

Но увы, в наши дни мужчины меньше любят свое дело чем своих жен. Нет более мастера Маноль... (160).

Истрати вообще бесжалостен в своей критике пролетарского большевизмского строительства, поскольку они проистекают из мертвечины их упорного догматизма.

В другом месте своей книги он сравнивает советских строителей с акушерками, констатируя, что им не хватает терпения. — «Повсюду — говорит он — рука все той же акушерки лихорадочно ощупывает живот жизни и хочет, хочет от всего сердца, вырвать из него завтрашнего ребенка. Но вот — несчастье. Этой руке не хватает терпения, ловкости и гигиены и заражение угрожает столько же животу, сколько и глазам младенца. Между тем, акушерка не хочет слушать разума. Это — старая неряха, которую роды во что бы то ни стало более интересуют, чем здоровье ребенка и условия, среди каких он родится» (158).

Более всего, однако возмутило Истрати отсутствие в СССР элементарной справедливости. Это такое вопиющее злодеяние, какого он не в состоянии простить советам и поэтому решил публично обличить большевизм, вскрывая перед целым культурным миром гнилые его язвы.

— «Что касается меня — заявляет он в своей исповеди — пусть противники знают, что если бы они захотели приготовить нам второе издание такого большевизма, они встретят во мне непримиримого врага, единого врага, который умрет за то, что он считает первым злодеянием человека: а именно, за возможность выразить все перед лицом неба, будет ли это сделано по — дружески или во вражде»...

П. И. Кокунько.

Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.

XI.

Официально Кавказская война была окончена, но на самом деле край далеко не был замирен. Набеги горцев, хотя и не в прежних размерах, все таки не исчезли и грабежи не прекращались. Переговоры с Турцией о выселении горцев в ее пределы были закончены благополучно. Турция согласилась принять к себе единоверный ей народ. Оставалось выработать подробности организации выселения и параллельно с этим начать заселение Закубанья.

Для этой цели и вызван был Кухаренко в Ставрополь для получения указаний и инструкций. Разделяя взгляд на выселение горцев своих предшественников, Кухаренко с сокрушенным сердцем выехал в Ставрополь, предвидя трудность переговоров по этому поводу. Но судьбе угодно было распорядиться иначе. Проведя всю свою жизнь в боях, Кухаренко как-бы освоился с той вечно опасной обстановкой, которая сопровождала каждый его шаг; с другой стороны, относясь участливо к казакам, он избегал затруднять их, и без того обремененных кордонной службой и отказывался брать конвой, который обыкновенно сопровождал от поста к посту проезжающее начальство.

Почти большую часть пути он проехал благополучно, но, миновав нынешнюю станцию Кавказскую, в нескольких верстах от последней, на него напала партия горцев, которые, вероятно, раньше узнали о его проезде здесь, подкараулила его и взяла в плен. Худую услугу оказала эта партия своему народу, потому что Кухаренко ехал именно с целью отстаивать их интересы в вопросе насильственного выселения их в Турцию.

Весть о пленении Кухаренко быстро распространилась и сделалась известной в Ставрополе и Екатеринодаре. В первом эта весть, пожалуй, никого не опечалила, но во втором произвела подавляющее впечатление даже между его противниками; отношение же Ставрополя можно объяснить тем, что с устранением от дел Кухаренко, исчезал лишний тормоз к получению тех благ, на которые с нетерпением облизывались власть имущие и на которые у них давно чесались руки.

Войсковое начальство сейчас же, как только получило известие о пленении Атамана, завязало через перебежчиков переговоры с горцами о выкупе Куха-

решив защитить право на обличительную критику, он доказывает, что это не может повредить делу революции и наоборот: «ваша тирания убила ее на верняка».

Автор таким образом определяет смысл своего обличительного выступления против фактического большевизма (стр. 132-133).

«Единственно целью этой книги — будет, стало быть, прижечь раскаленным железом нарывы, которыми покрыто всецело тело Революции и один из коих, — я его описываю дальше, прорвался перед самым моим носом, обдав меня гноем, который я еще до сих пор ношу на моем лице и который отравляет мое существование. (Знаменитое судебное дело Русакова, о нем речь дальше. О. Д.).

Перед такую злонамеренно испорченностью, какая лежит в основах этого режима, все то, что он создал и обещает соорудить, не держится более на ногах. И если удастся ему в конце своей „пятилетки“ очастливить все человечество, я все таки попрошу у него отчета относительно костей, размолотых в его машине счастья, ибо во-истину, благополучие человечества может интересоваться меня только с того дня, когда оно перестанет быть преступным и начнет быть нравственным».

Горцы запросили 30 тысяч рублей и тот час же было сделано представление об ассигновании этих денег. Но Кавказское начальство не торопилось. Оно начало торговаться. Ему было выгодно временное устранение человека, который не сходил с его взглядами и с которыми считались в Петербурге, особенно после посещения Екатеринодара государем.

До какой степени Кавказское начальство торопилось использовать подходящий момент, показывает то обстоятельство, что оно поспешило назначить заместителем Атамана подходящего для себя человека, который бы не смел своего суждения иметь, а беспрекословно выполнял бы его приказания. Таковым оказался один из строевых генералов, командовавший бригадой, кажется в 19 дивизии, если не ошибаюсь, генерал майор Суходольский, несмотря на то, что в Войске были свои генералы, вполне способные для этой должности, как то: генерал Зинченко, хотя уже солидных лет, но в полной силе тела и духа, Павел Денисович Бабич, известный боевой генерал, по делам — соперник донскому Бакиланову, наконец сравнительно молодой генерал Иван Демидович Попка с высшим образованием Киевской духовной академии и заявивший себя как хороший администратор и организатор (впоследствии он был помощником наказного атамана). Но это все был народ, с которым пришлось бы разговаривать, а главное то, что они были казаки, а в то время, кажется, решался принципиальный вопрос: не назначать Наказным Атаманом казака, особенно в свое Войско, так как с ним „только постоянная возня“.

Пока шел торг с горцами о выкупе из плена Атамана и переписка об ассигновании денег, Кухаренко успел умереть в плену. Взят он был одним из горских племен, живших на равнине, но из опасения, чтобы его не отбили, он был переведен в более отдаленные горские аулы, не то к абадзехам не то к шапсугам. Сохранился он в яме — из опасения побега. (Такой способ содержания пленных был обычным у горцев). Это вредно отзывалось на здоровье Кухаренко, вообще не отличавшегося крепким здоровьем, особенно в довольно преклонном возрасте в котором он тогда уже находился. Весть о его смерти получилась от перебежчиков и опять были начаты переговоры о выкупе его тела, за которое горцы запросили 10 тысяч рублей.

Та же история началась снова: Войсковое начальство делало представление, а высшее торговалось и за-

тягивало дело. Ждать уже было некогда и в Войске была объявлена подписка на выкуп тела Атамана, а пока эти деньги соберутся, решено было заложить в ломбарде атаманскую шапку, преподнесенную Чепиге светлейшим князем Потемкиным, как знак атаманского достоинства. Так как она была украшена драгоценными камнями, то государственный ломбард выдал за нее 10 тысяч. На эти деньги и совершился выкуп тела, которое было похоронено около Войскового собора, где ныне Крепостная церковь. Неизвестно, куда делись подписные деньги и были ли действительно они собраны, так как успеху подписки мешала надежда на отпущение денег казной или разрешение взять таковые из Войсковой казны.

Дело об этом тянулось долго, пока не был получен совершенный отказ на ассигнование денег от казны и из войскового капитала, как говорили по той причине, что Кухаренко сам виноват в своей гибели, ибо не взял конвою, как полагается.

Вообще в этом деле Кавказское начальство проявило какое то безучастие. Оно отнеслось к нему как совершенно частному делу, как будто дело шло не о занимавшем довольно видный пост человеке, погибшем при исполнении служебных обязанностей, а о совершенно постороннем лице, мало интересовавшем его. Правда, Кавказское начальство в это время было занято другим, более важным для него делом — подыскиванием заместителя Кухаренко. Нужен был человек, который бы обладал достаточным темпераментом и силой воли для обуздания казачества, проявившего в последнее время столько строптивости, и, вместе с тем, покорного и беспрекословного исполнителя воли этого начальства, хотя бы она шла и в разрез интересам, которые по должности он должен был бы отстаивать.

В Кутаисе в это время жил некий инженерный генерал Иванов не то 21, не то 22-й, точно не помню. Тогда еще прибавлялись в армии номера однофамильцам. Генерал этот упряжился там над постройкой моста через Рион, который после каждого дождя уплывал по течению реки и всякий раз требовался дополнительный отпуск денег на его восстановление. Куда уплывали эти деньги, только одному Иванову 21-му или 22-му, было известно, но дело тянулось всегда несколько лет и вообще таким делам конца не предвиделось, так что деятельность этого генерала вошла чуть не в поговорку. Это вероятно надоело придержащей власти и она решило воспользоваться случаем, чтобы под благовидным предлогом (перемещением на более почетную должность) убрать этого пожирателя казенных рублей. Вот этого то самого Иванова и назначили Наказным Атаманом Кубанского Войска.

Встретили его честь-честью, хлебом и солью и устроили в войсковом собрании парадный обед. Получив вероятно от начальства определенную ориентацию своей будущей деятельности, новый атаман за обедом, на котором присутствовали все служащие, войсковые чины и почетные приглашенные, обратился с довольно грозной и немного странной речью к обедающим. Перечислив все грехи и прегрешения, по его мнению, казачества в прошлом, ошибки и намеренные попустительствования всех своих предшественников от сотворения мира, генерал заявил, что он намерен избежать всего этого в своей деятельности по управлению Войском, что все это от того, что не умели взять казачества в свои руки, что вот он туго затянет возжи и в ежовых рукавицах будет править, и пр. и пр. в этом роде, выставя себя не таким, как все прочие и тому подобные. Довольно долго и терпеливо слушали присутствующие это бахвальство. Наконец не вытерпел почтенный Никифор Кириллович Камянский.

Ваше превосходительство, — прервал он на самом патетическом месте речь генерала, — а то чи не ви строїли міст в Кутаїсі через Рион?

Иванов сразу опешил, но в ту же минуту спохватился и сердито ответил: — Я, а что такое?

— Та нічого, це я тільки так спитав.

Такой репликой Камянского Иванов был сбит с позиции, на которую он забрался. Вопрос Камянского показал ему, что он и здесь не безвиновен, что его прежняя деятельность и здесь достаточно оценена. Тон

речи Иванова сразу понизился и ему уже трудно было вскарабкаться на прежнюю высоту и он мало по малу, что называется, осел, засопел и совсем стих, так что обед кончился, как-будто, совершенно мирно. Но следствием выступления Камянского было то, что Иванов сразу увидел, какое отношение к нему сложится в будущем и вместе с тем почувствовал, что осуществить все задуманное им будет не так уже легко, как он предполагал.

Кавказское начальство знало, что делало, назначая Атаманом Кубанского Войска Иванова: приближалось время фактического переселения казаков за Кубань и выселения горцев в Турцию. Имея в виду предшествовавшие события, начальство опасалось повторения их и озаботилось иметь на ответственном посту своего человека. Сознательно или бессознательно, Иванов дал понять в своей речи, что он не будет считаться с интересами тех, возглавлять которых был призван.

Как бы в подтверждение этого, в том же году, в Кубанскую область была введена 19 пехотная дивизия, из которой одна бригада была расквартирована на Новой Линии, другая на территории бывшего Черноморского Войска, при чем штаб Дербентского полка находился в городе Ейске, а части его по станицам. Через год этот полк был заменен Кубанским, а еще через год Крымским, который оставался там до 1874 года, после чего дивизия переведена была в город Ставрополь. Ввиду того, что казаки поселения по закону были свободны от постоя, на внедрение в Войско регулярных частей нельзя смотреть иначе, как на оккупацию края, под угрозой которой должно было совершиться два акта: изгнание горцев в Турцию и переселение казаков в Закубанье.

Мне пришлось быть очевидцем посадки изгнанных на турецкие суда в городе Ейске, сцены которой до такой степени врезались в моей памяти, что, кажется, и лежа в гробу буду вспоминать их. Вопли женщин, визг, и молчаливая покорность стариков, по щекам которых на седую бороду катились слезы при расставании со всем своим скарбом, который турки отзывались брать на суда, невольно действовали на наши юные сердца и жуткое чувство неприязни к виновникам этого поднималось у нас, несмотря на то, что это были недавние враги наших отцов, из которых не один погиб от их руки. Оцепленные солдатами, на берегу моря, один вид которого на многих из них, особенно женщин, никогда его не видевших, производил ужас, торопливость посадки, отчаяние при расставании со всем нажитым, не поддается описанию. Что можно было продать, продавалось, но по какой цене!... Довольно сказать, что лошадь с полной сбруей, на моих глазах одним из джигитов была продана за 3 р. 50 к. С сердцем он ткнул повода покупателю, отвернулся, и, закрыв глаза рукою, смешался с толпой, не оглядываясь более. И за чем столько горя, столько слез и, несомненно, проклятий, когда всего этого можно было избежать!?... Говорят, что нечто подобное, а может быть и хуже, повторилось при эвакуации белой армии с восточных берегов Черного моря в Крым. Но здесь это было вызвано боевой обстановкой, там же дело творилось при совершенно мирном положении.

Что касается второго — переселения казаков за Кубань, то здесь не потребовалось принуждения, так как шли только охотники, но самая оккупация дала повод казакам запеть:

Зажурились Чорноморці, що нігде прожити,
Уселився вражий москаль — виганяє з хати...

XII.

В чем же, собственно говоря, может быть обвинен Яков Герасимович Кухаренко?

Распускались слухи об измене его казачеству, но фактических доказательств тому не было. Если бы это было так, тогда нужно было бы предположить, что Кухаренко всецело разделял взгляды Кавказского командования и одобрял все те мероприятия, которые оно замышляло по отношению к казакам. На деле же этого не было, а было совсем обратное. С самого воз-

никновения вопроса о переселении Черноморцев за Кубань, Кухаренко, как мы видели, не был на стороне начальства. Если бы он преследовал свои честолюбивые интересы, как об этом намекали, то ничто ему не мешало в личных переговорах быть на стороне начальства.

Быть может, благодаря такой уступке, он был бы и утвержден в должности Наказного Атамана и это был бы, конечно, большой выигрыш для предрержащей власти, которая имела бы право опереться на авторитетное лицо в среде казачества.

Между тем, Кухаренко, не только не был утвержден в должности, но, когда приближалось время перейти от слов к делу, его без всякой церемонии заменили другим, надеясь помимо него осуществить свои замыслы.

Уже этот один факт показывает, что Кухаренко далек был от мысли угодничества начальству, жертвуя своими интересами в пользу казаков. Немного нетактичная выходка его против Евдокимова (согласно войсковому уставу он не выехал для его встречи) также показательна, но ее не поняли или не хотели понять противники Атамана.

Самая затряпка с ассигнованием денег на выкуп Атамана из плена служит доказательством того, что им решительно не дорожило начальство, быть может, даже для него было выгодно устранение от дел человека, в котором оно не надеялось найти помощника в проведении своих намерений.

Было бы вероятно иначе, если бы начальство видело в Кухаренке своего единомышленника, но в том то и дело, что сломить его не удалось и не предвиделось возможным. Кухаренко остался верен себе до конца и поставленные условия переселения Черноморцев сумел отстоять перед царем во время пребывания последнего в Екатеринодаре. Вследствие этого, злоба к нему зашла так далеко, что даже тело его отказались выкупить.

Говорят, будто бы Кухаренко послал рапорт Евдокимову с перечислением лиц, руководивших движением казаков. Прежде всего: нужно ли это было? — в Екатеринодаре было столько лиц, интересовавшихся создавшимся положением и вполне преданных начальству, что и помимо такого рапорта Евдокимов мог знать, быть может, даже больше самого Кухаренко. Тем не менее утверждают, что копия этого рапорта ходила по рукам в Екатеринодаре, но несмотря на самые настоятельные розыски с моей стороны и со стороны Мовы мы не могли найти его. Может быть Белоус в этом отношении был счастливее — не знаю. Во всяком случае было бы интересно установить дату его: был ли он написан до приезда Евдокимова в Екатеринодар или после? Если рапорт написан до приезда Евдокимова, то тогда конечно он имеет вид доноса, если же после, то это ничто иное, как простая отписка уже об известном Евдокимову факте, в котором поименованы лица, известные Евдокимову по их выступлениям перед ним.

Трудно предположить, чтобы Кухаренко, давая разрешение на сбор депутатов от округов, в то же время доносил на них по начальству, — ведь этим разрешением он делался и сам участником „проступка“. При этом показательно и то, что будто бы в рапорте поименованы только лица, выступавшие при Евдокимове, исключая одного Калери, который не выступал, но был в группе артиллеристов. Для этого донесения не требовалось, так как все они лично известны Евдокимову и может быть, тогда же записаны его адъютантом.

При этом невольно является вопрос: почему же в рапорте поименованы именно эти четыре лица, известные Евдокимову, когда во время дебатов на собрании были не менее горячие борцы, как например полковник Алексей Антонович Рашпиль, два брата Кравчины и пр. или, наконец, Николай Григорьевич Рашпиль, о котором положительно утверждали, что „он стрелял в портрет государя“. Последнее обстоятельство было довольно выигрышным для доноса в том случае, если бы он делался в интересах доносителя. Кажется такой рапорт придется отнести к числу апокрифов, тем более, что,

не считая сыновей Кухаренко, Степана и Александра Яковлевичей, положительно отрицающих его, его не видели ни Кравчины, ни даже помещенный в нем Григорий Афанасьевич Калери, с которыми мне приходилось разговаривать по этому поводу.

Думается мне, что такого рапорта совсем не было и арест помянутых офицеров был произведен по личному усмотрению самого Евдокимова. Как видно из изложенного, Кухаренко не принимал явно активного участия ни с той, ни с другой стороны. Он, как бы, уклонился от всякой деятельности. Это и было именно то, что нужно. Он занял верную позицию, хотя это его видимое безучастие и дало повод к его обвинению. Быть на стороне Кавказского начальства, в конце концов поставившего ребром вопрос даже о существовании Войска, Кухаренко, конечно не мог. Это означало бы с его стороны отречение от самого себя, от своей предыдущей деятельности и от всех своих убеждений. В данную эпоху нельзя указать ни одного случая, где бы можно было заметить его сочувствие принимавшимся мерам по отношению к казакам или противодействие против оппозиционной группы. Свое отношение к начальству он демонстрировал нарушением устава при встрече Евдокимова, а сочувствие движению среди казачества — разрешением выбора депутатов и сбор самого съезда, что в глазах начальства должно было иметь вид явного „попустительства“. Большого он сделать не мог без вреда для затеянного дела и пожалуй для всего Войска. Стать самому во главе движения, взять в свои руки руководство им, было бы в высшей степени рискованным шагом не только для него лично, но и для всего Черноморского Войска, а потом и Кубанского.

Это значило бы возглавить неприязненные действия казаков и дать повод к обвинению в „организованном бунте“, чего может быть и добивалось Кавказское начальство, чтобы достичь заветной цели — отнять казачьи земли, уничтожив самое казачество. Быть может это затянуло бы успокоение Кавказа года на два или на три, но повторилось то, что некогда с Некрасовцами на Дону, даже в худшем размере, так как тогда Дон все таки остался, а тут грозило полным исчезновением двух казачьих Войск, так как Линейное Войско, было уже связано с Черноморским и по отношению к переселению за Кубань одинаково отрицательно относилось к способу его осуществления. До тех пор пока предрержащая власть в лице Наказного Атамана была в стороне от возникшего движения, оно могло рассматриваться как частичное явление, не грозящее особыми осложнениями. Совсем иное получилось бы, если бы сам Атаман стал во главе его.

С другой стороны являлась и еще одна опасность: с удалением Кухаренко, что непременно случилось бы, если бы он стал во главе оппозиции, обязательно бы был прислан человек надежный с точки зрения начальства и разгром получился бы скорый и полный, как и показал случай с назначением Иванова, когда без всякой нужды были приняты предупредительные меры, и в лучшем случае переселение совершилось бы по программе, против которой боролось казачество.

Знакомый с вопросом о заселении Закубанья сначала его возникновения и постепенным его развитием, Кухаренко не мог не предвидеть всех этих случаев и потому старался сохранить по виду полную индифферентность к положению, тем более, что он видел, что дело протеста казаков находится в надежных руках и имеет поддержку в Петербурге.

Его мечта о сохранении имени Черноморского Войска и об увеличении его территории, показывает о полной преданности его к той части казачества управлять которым поставила его судьба и которому предан он был всей душой, как о том, много лет спустя, свидетельствовали и лица, совершенно посторонние казачеству.

Очень отраднo, что потомки вспомнили одного из лучших своих Атаманов и, быть может, это послужит к восстановлению доброй памяти человека, вся жизнь которого была направлена к достижению благополучия возглавляемого им казачества.

Александр Пивень.

Рождество Христово в народных обычаях на Кубани.

„Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение“.

Как радостны были для каждого из нас эти слова ангельской песни в день праздника Рождества Христова, когда мы были у себя на Родине! Но вот уже десятый раз мы вынуждены провести этот великий христианский праздник на чужбине, и та же радостная песнь не несет нам ни покоя, ни радости; даже более того: в дни великих праздников особенно глубоко чувствуется утрата мирной и спокойной жизни, какую мы имели в родном краю, а все окружающее нас становится чуждым и неприветливым.

И каждого эмигранта в эти дни преследует неотвязная, горькая мысль: „Зачем я здесь? Почему не дома? И до каких пор я буду, как отверженный, скитаться в чужих краях, не имея пристанища и спокойной, человеческой жизни?“ — Сожмется у него сердце от таких жгучих вопросов, посмотрит он вокруг себя и, чтобы забыть на время горькую действительность, перенесется мысленно в родную сторонку, в те дорогие сердцу места, где жилось хорошо и привольно и где в этот великий праздник было так много веселья и тихой, светлой радости.

Так точно и я, скитаясь в чужих краях, с невыразимой болью встречаю всякий раз день Рождества Христова и всегда в этот день вспоминаю о том, как проводили этот праздник у нас на Кубани. С большой сердечной отрадой припоминаю я дни моего детства, проведенные в родной станице, и каждый раз предомной встают с особенной теплотой и яркостью картины бывшего тогда праздничного веселья, сопровождавшиеся прекрасными народными обычаями.

Это было давно. С тех пор прошло уже более пятидесяти лет, как я был малышом-подростком; и все таки я и сейчас очень ясно и живо представляю себе ту жизнь, какая происходила тогда в наших станицах. Наш казачий народ отличался в то время простотой жизни и удивительной прелестью народных обычаев. Это было такое время, когда всякий обман и бесчестный поступок человека становились известны на другой день по всей станице и карались всеобщим презрением; когда почти не было случаев воровства, и выпущенная со двора на толоку лошадь целый день паслась без всякого присмотра. Если же случалось в редкие годы убийство человека, где либо в степи, на проезжей дороге, (в станицах таких случаев я не помню), то весть об этом без газет, без телеграфа и телефонов, быстро облетала чуть не всю область, и долго потом печальный об этом рассказ переходил из уст в уста, вызывая у слушателей ужас и негодование. Народ дивился тому, как может человек решиться на такое страшное, безбожное дело.

В то время еще мало было в станицах грамотных людей, но не смотря на это, народ славился особенной чистотой нравов, и потому напрасно теперь так много восхваляют современное просвещение и с большим порицанием отзываются о темноте и грубости старого времени.

Когда я вспоминаю теперь до мельчайших подробностей всю обстановку праздничных дней Рождества Христова и Нового Года, я горжусь старым временем, которому я был свидетель; я удивляюсь мудрости неграмотного народа, который мог создать такую красоту народных обычаев, вполне соответствующих праздничному времени и духу христианской религии.

Вне всякого сомнения, наш народ ясно представлял себе, что рождение Христа-Спасителя есть величайшее в жизни людей мировое событие и что родившийся „Отроча Младо-Предвечный Бог“ должен, по этому, услышать в этот праздник наибольшую хвалу из чистых сердец и уст детей; и потому народ создал такие праздничные обычаи, в которых главную роль исполняли дети и своими звонкими голосами беспеременно восхваляли и славословили Божественного Младенца.

Еще накануне праздника, на „богату кутю“, детям поручают, бывало, набрать и принести в хату самого чистого и душистого сена; со всякими зелеными листиками, цветами и „разнотравием“, которые дети же укладывали „на покути, под образами“. Это место, очевидно, должно было напоминать собою вертеп и ясли, в которых родился Христос-Младенец. На это сено затем торжественно переносили, при участии детей, „кутю“ и „узвар“ — традиционное кушанье, установленное православным обычаем.

„Богата вечера“ начиналась рано, еще до сумерек, с появлением на небе первой звезды. Вокруг большого стола, стоявшего здесь же, возле „покути“, торжественно усаживалась вся семья, со всеми детьми и домочадцами, и „вечеряла“ чинно и спокойно, строго сохраняя молчание. Был старинный обычай, что если во время этой вечера кто чихнет, то глава семьи объявлял такую счастливицу в подарок первого телка или жеребенка, рождение которого скоро ожидалось.

После „богатои вечера“ все малые дети, в возрасте отроков (до 7 лет), разносили „вечерю“ своему крестному отцу и матери, в сопровождении взрослых; и вся станица, уже в сумерки, наполнялась детьми, снующими по всем улицам, и почти в каждый дом приходил малый ребенок и, после приветствия, поцеловав отцу или матери руку, чистым детским голосом объявлял, что „батько і мати прислали вам вечерю — їкте наздоровья“.

Следует отметить, что кроме указанного обычая — разносить вечерю, канун праздника проходил всегда особенно тихо, в торжественном спокойствии, которое никем не нарушалось. Каждая семья находилась дома в полном составе и после вечера сейчас же укладывалась спать, т. к. большинство членов ее на первый день праздника старалось побывать в церкви. Никакого пения колядок, шумного веселья молодежи и всякого дурачества в этот святой вечер нигде в наших станицах не бывало; православный народ и не мог допустить в канун великого праздника ничего подобного. А так как на Кубань (Черноморию), вместе с поселенцами из Запорожья и Украины, перешли целиком и все украинские народные обычаи, то из этого следует, что великий писатель Н. В. Гоголь, описывая жизнь и обычаи украинского народа, допустил в своей повести „Ночь под Рождество“ крупную неточность: такой слишком веселой ночи под Рождество Христово нигде не бывало, да и быть не могло; она могла существовать только в веселой фантазии писателя.

В самый день праздника, рано утром, еще до рассвета, на улицах станицы всюду появлялись кучки детей-подростков, которые усердно перебежали со двора во двор и „славили Христа“, а вечером молодые пары носили по станице „звезду“, заходя с нею в каждую хату, где пели церковные песни. В это же время, еще до наступления сумерек, по улицам начинали ходить и „дівчата“, составивши отдельные от хлопців, группы, подходили к окнам хат, и всюду слышалось громкое: „благословіть колядувать!“, а из хаты ответное: „Бог благословіть“, после чего, в звонком морозном воздухе, раздавалось пение колядки:

„Та спородила Ісуса Христа
Діва Марія.
Алелуя, алелуя.
Діва Марія“...

Ношение звезды и пение колядок продолжалось три вечера, а иногда и больше, но наряду с этим обычаем религиозного свойства, часто можно было услышать и колядки шуточные, исполняемые подростками-детьми, для праздничного веселья, вроде следующей:

„Коляд — коляд, колядниця,
Добра з маком паяниця,
А пісна нетака —
Дай, дядьку, пятака!
А не даси пятака,

Візьму вола за рога,
Хоч не вола, так телицю,
Та й поведу у крамницю“.

Если поющим ничего за такую колядку не давали, что случалось довольно редко, то далее слышалось и такое пение:

„А в дядька-дядька
Дядина гладка:
Не хоче встати
Ковбаси дати“.

Накануне Нового года, в день „Миланки“, дивчата ходили под окнами хат „щедрувать“, т. е. петь песни в честь новолетия, которые назывались „щедрівками“. Вечер „Миланки“ считался по народному обычаю исключительно девичьим вечером и потому молодые парни на улицы в этот вечер не допускались. Чувствуя себя вполне свободными, девушки занимались в это время ворожбой или подслушивали под окнами хат разговоры и по отрывочным словам и фразам старались истолковать свою судьбу. Но больше всего ходили небольшими группами для пения щедриков. И снова слышались всюду по станице возгласы: „Благословіть щедрувать!“ — „Бог благословить!“ — После чего хор девушек пел щедрику хотя бы такого содержания:

„А в Єрусалимі рано задзвонили.
Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоровья!
Там Діва-Марія по раю ходила.
Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоровья!..“

Здесь нужно заметить, что ни одна колядка или щедрика не заключала в себе, как обычно думают, ничего языческого — нехристианского, но по своему замыслу и содержанию почти всегда представляла прелестное поэтическое произведение народного творчества. Например, в этой щедрике говорится далее о том, как „Діва-Марія“, гуляя по райскому саду, вспомнила о мучениях грешников и, соболезнуя об их участи, пришла к своему Божественному Сыну и стала просить Его, ради праздничного торжества и наступающего новолетия, помиловать их. Христос выдал ей золотые ключи от мест заключения и Божия Матерь выпустила грешные души на свободу и привела их к дверям рая. Далее щедрика заканчивается словами:

„А райськія врата отворилися.
Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоровья.
Усі там святії звеселилися.
Щедрий вечір, добрий вечір...
Та Матері Божій поклонилися.
Щедрий вечір, добрий вечір“...

Ходили также щедровать под окнами подростки и малые дети, но у них щедрики были чисто детского, большей части практического содержания, как например:

„Щедрик-ведрик,
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Кільце ковбаски!
Ще й того мало:
Дайте кусок сала,
А як дасте порося,
То й щедрика буде вся“!

Рано утром в день нового года, еще в сумерки, все улицы станицы буквально заполнялись маленькими детьми, в возрасте до 10 лет, которые настойчиво стучались во всякую хату, так как были убеждены, согласно народному верованию и обычаю, что они несут с собою

счастье и что всюду их пустят. Каждый ребенок имел с собой сумку или „горбу“ наполненную зерном пшеницы, ячменя, проса, гороха и проч., которую ему еще с вечера приготовила мать или бабка; а отец, вручая ему утром эту торбу, наказывал: „Иди, синок, посипай, щоб Бог послав урожай“. Войдя в каждую хату с самым серьезным и деловитым видом, этот маленький вестник народного благополучия без разговоров запускал руку в торбу и рассыпал зерна по комнате, приговаривая:

„На щастя! На здоровья!
Роди, Боже, жито, пшеницю
І всяку пашницю!
З празником! З Новим Годом!
З новим щастям! З Василем!“

Этих „посипальників“ было так много и они с таким усердием выполняли свое дело, что в каждой хате чистая для гостей комната, за какой-нибудь час, была вся густо усыпана зернами. С наступлением дня эти зерна старательно подметали и собирали, как особую драгоценность, а затем половину их отдавали домашним животным и птице, приговаривая: „на добре вам здоровья та на великий плід“, а другую половину разбирали по сортам и примешивали к посевному зерну, со словами: „пошли Боже урожай на всіх людей, на увесь край“.

Вечером на Новый год ходили ряженые и пели всякие веселые песни, но чаще всего молодые парни водили по станице „козу“, которая танцевала и отгадывала всякие загадки. Козою был какой-нибудь ловкий и вертлявый парень, в вывороченном „кожухе“; но весь наружный вид ее был так искусно устроен и она делала такие ловкие, натуральные телодвижения, а также танцевала, кланялась, прыгала и топала ногами, что получалось полное впечатление, что это живая коза.

Но ктонибудь спросит почему именно придумал народ „водить козу“, а не другое какое животное? Да просто потому, что коза самая смелая, подвижная и любопытная из всех домашних животных; а всем известно, что куда бы ни выпустили козу на свободу, она непременно обходит все места, заглянет и побывает во всех уголках и закоулках; а из этого ее свойства исходил и самый замысел, для чего ее водили по хатам на Новый год: когда она танцевала, то вожатые припевали:

„Де коза ходе
Там жито роде;
Де коза туп-туп,
Там жита сімь куп“...

Много вспоминается мне еще и других праздничных обычаев, какими наш казачий народ украшал Рождественские и ново-годние праздничные дни, но если вспомнить все и описать более подробно, то получится большой этнографический очерк, а такая работа в данный момент не входила в мою задачу.

Так проводили эти праздники у нас на Кубани в доброе старое время, и когда вспомнишь об этом здесь, в эмиграции станет легче на душе и хоть немного отойдет тоска от сердца.

И хоть народ наш терпит сейчас у себя в родном Краю тяжкое рабство, из которого как будто нет выхода, а мы скитаемся по чужим странам и не видим этому конца, — мы должны в дни этих великих праздников укрепиться надеждой, что всему этому скоро будет конец, что наши враги-супостаты, силою обстоятельств, сойдут со сцены, и в родном освобожденном Краю, по словам ангельской песни, воцарится „на земли мир, в челоуцех благоволение“.

Братья — казаки! приобретите каждый Календарь-альманах „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“ на 1930 год.

В сборнике-альманахе календаря помещены статьи по истории Казачества, по экономике Казачьих Земель, много публицистических и литературных произведений казачьих писателей.

Казаки, поддержите казачью книгу!

Цена Календаря-альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева.

Д-р Э. Хара-Даван.

Чингис-хан или Россия?

(Ответ на письмо казаков-калмыков).

В „Посл. Новостях“ от 3 декабря прошлого года под таким заглавием появилось письмо донских и астраханских калмыков, содержащее нападки на меня, как автора книги: „Чингис-Хан, как полководец и его наследие“, 1929 г. Българд.

Это же письмо с собственным добавлением перепечатало „Новое Время“ 13 декабря прошлого года.

По содержанию этого письма могу ответить ниже следующее:

1. По точным справкам, наведенным мною среди калмыцкой эмиграции, оказалось, что среди подписавшихся нет ни одного астраханского калмыка-казака, тем более грамотного.

2. За исключением 3-4 лиц из подписавшихся все остальные лица неграмотны или малограмотны.

Хотя некоторые из этих 3-4 лиц и окончили приходское училище, но содержание книги или не поняли, или ее совсем не читали, судя по их письму, где они обнаружили свое полное незнание элементарных сведений из своей истории.

3. Авторы письма публично отрекаются от исторического своего Императора Чингис-хана, заявляя, что „история Чингис-хана, ничем не связана с нами, калмыками“, очевидно, не зная совершенно того, что калмыки прикочевали только 300 лет тому назад в низовье Волги из Западной Монголии — Джунгарии, где и по сие время живет основное ядро нашего народа под именем ойратов. Название калмык по тюрски (татарски) „галмык“, что значит „оставшийся“, дано нам после обратного бегства большинства прибывших на Волгу калмыков в Джунгарию 150 лет тому назад (во главе с Убуши ханом) спасаясь от посягания на их независимость со стороны русского Правительства.

За исключением последних 300 лет, вся остальная наша история протекла совместно с историей всей Монголии. Так Хутуга-беки, ойратский, т. е. калмыцкий темник, добровольно признал Чингис-хана (см. летописи) и с его войсками совершил все его военные походы. С Чингис-ханом и его наследниками ойраты (калмыки) были участниками золотого периода Монгольской истории XIII-XIV в.

4. Авторы заявления просят меня „говорить и писать только от своего имени, а не от имени всех калмыков“. Всем известно, что все авторы в своих книгах пишут от себя, а не от имени своего народа. Если бы авторы письма прочли мою книгу, то нигде там не нашли бы моего заявления или утверждения от имени калмыцкого народа.

5. В своем письме авторы цитируют одно место из введения моей книги, где я пишу о „пробуждении Азии“ и „Закате Европы“. На эту тему после мировой войны написано много книг на всех языках, а книга немецкого философа О. Шпенглера „Закат Европы“ выдержала несколько десятков изданий и ни одному европейцу не пришло в голову в печати защищать Европу.

Я же только одну фразу написал об этом и то во введении, как сейчас же появился протест азийцев в защиту Европы, которые оказались более европейцами, чем сами европейцы. Полагаю, что и это не остановит закономерности круговорота истории.

6. Авторы письма, конечно, с евразийством не знакомы, так как это учение и дипломированные господа трудно усваивают, но это не мешает им со слов своих господ-опекунов сознательно или по незнанию писать совершенно извращенно, что оно разжигает национальную вражду.

В своей книге я пользовался учеными трудами и евразийцев, и азийцев, и европейцев. Для непредубежденного читателя ничего страшного в этом нет, тем более, что евразийство не есть политическая партия, а культурно-историческое и политическо-экономическое мировоззрение. Очевидно также, что боятся евразийства и „Возрождение“ и „Последние Новости“.

7. Я, вместе с другими представителями калмыцкой интеллигенции и общественности, морально осудившими авторов этого письма, считаю, что не они виноваты в этом. Я уверен, что их использовали старые русские господа-опекуны, привыкшие применять подобный метод, чтобы внести рознь и недоверие в нашу среду. Эти господа-опекуны, привыкшие нас опекать и водить в мирное время, не хотят оставить эту привычку даже после того, как их опека и водительство нас привело к банкротству и изгнанию. Важно заметить, что над калмыцким народом около 150 лет была попечительская власть, уступившая национальной власти лишь после революции. До того же калмык даже с высшим образованием и стажем не мог быть не только попечителем улуса (округа), но даже его делопроизводителем, а были попечителями назначенные из центральной части государства провинившиеся чиновники, пьяницы и взяточники. Подобные опекуны и сейчас не хотят оставить нас здесь опекать. Непора ли нам думать о себе своими головами, а не головами „обанкротившихся“ опекунов.

8. Критика моей книги по ее содержанию относится к компетенции монголоведов военспецов и историков Азии. От более 10 из них я получил (из Германии и С. Америки и отчасти русских) благоприятные отзывы, и пока ни один из них не высказался отрицательно. Некоторые из них вскоре обещают напечатать научный разбор моей книги в научной и специальной прессе.

В „Посл. Нов.“ и „Возрождении“ были помещены критические статьи о моей книге. Хотя ни одно из моих положений ими не опровергнуто, я все же кратко отвечу на некоторые их замечания. Прежде всего, видимо, не нравится им героический период монгольской истории XIII—XIV в., потому что он связан с унижением русского народа. Но ведь пора изучать свою историю такой, какой она была на самом деле, а не такой, какую нам преподносили „казенные историки Иловайские“ до революции, а теперь в С. С. Р. заменивший его проф. Покровский. Они пишут по заказу то, что хочет власть имущий. Нужно и полезно узнать правду, как бы горька она не была, иначе мы будем иметь о себе ложное преувеличенное представление, которое будет всегда жестоко разбиваться жизнью. Поколения, воспитанные на Иловайском шли в Японскую войну, восклицая: „мы их шапками закидаем“, а война кончилась их поражением. В европейскую войну пошли с уверенностью, что через 2—3 месяца победим... Опять кончилось поражением. Отсюда — „познай самого себя“ таким, каков ты есть на самом деле и „будь самим собой“.

История Чингис-хана основана не на легендах, как пишут „Посл. Новости“, а на летописях не только монгольских, но и на исторических трудах высоко-культурных народов: персов, арабов и китайцев. Что он был неграмотен, это не редкость для того времени. 400 лет спустя Борис Годунов был неграмотен. Кажется, Карлу Великому так и не далась грамота, несмотря на его старания. Гений Чингис-хана выявился не благодаря обработке и шлифовке в школе, а был самородным.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Сергей Макеев.

В кино-студии.

(Вместо фельетона).

— Смотрите, лейб-игрек, а на лошади сидит, как собака на заборе! А все потому, что молодежь не проходила нормальной школы езды!

— Вы так думаете? А я с вами не согласен! У казака школа езды в материнском молоке и с пяти лет он уже носится по степи, как птица. Все зло заключается в том, что под видом лейб-игреков выступают лица, ничего общего с казаками не имеющие!

— Как так?

— Да очень просто! Ведь в среде лейб-игреков из сорока пяти человек, шесть казаков, а остальные все с бору да с сосенки!

— Не может быть?

— Я вам серьезно говорю! Вот спросите того, который по собачьи сидит в седле, откуда он попал в среду лейб-игреков, так он вам скажет, что капитан Дроздовского полка, а родом откуда то из Рязанской губернии. Что же вы хотите? А вон тот черненский-одесский грек!

— Я полагал, что это настоящие казаки!

— Напрасно! Вот вам школа езды! Посмотрите на Маню Пискунову, как она красиво и крепко сидит, и как великолепно ездит, а ей всего лишь шесть лет. Почему это? Да потому, что она природная казачка!...

* * *

Без „клюквы“ ни в одном фильме не обходятся. Придерживаются, придерживаются действительности, а потом как прорвутся, так всем чертам на удивление.

Изображается, например, аульный праздник ночью по случаю победы, одержанной Шамилем над русскими войсками. Лезгинка идет на полный ход. Не будем говорить о том, что танцы проходят с какими то фантастическими факелами — говорят, так нужно для европейского зрителя, — но вот беда, что танцоры то взяты из одного русского кор-де-балета, не имеющие и понятия о лезгинке. Одели этих молодчиков вместо черкесок в какие то поповские подрясники, натянули на ноги чобанские постолы, и по команде одной балерины началось выкаблучивание. Среди казаков гомерический хохот; не злость, нет, а именно хохот!

— Неужели на Кавказе так танцуют лезгинку?

— Что вы, помилуйте, это же чистойшей фантазия!

— Почему же вы не скажете главному режиссеру?

— Уже говорили, да толку то мало!

— Удивительно! А ведь публика будет смотреть и выносить превратное понятие о национальном кавказском танце! Печально!

— Да, очень печально! Такой хороший танец превратили в шабаш на Лысой горе!

— Нет! Это пляска чертей в голодную пятницу! —

Сцена кончилась. На несколько минут все свободны. Премьер-артист кричит одному кубанцу:

— А нука, Ваня, покажи, как танцуют лезгинку!

Заиграла музыка, захлопали ладоши, засверкали кинжалы.

Казак с тонкой, туго перетянутой сырмятным поясом талией, закружился, как вихрь, изображая своими движениями полет орла.

Американская артистка не выдерживает и, врываясь в круг, присоединяется к танцу.

Свисток режиссера нарушает истинное, неподдельное веселье. Артисты расходятся по своим местам. Казак-танцор получает бутылку коньяку.

* * *

Дублер премьер артиста, закончив сцену, соскакивает с коня. Не успел еще подбежать конюх, как в седло вскакивает помощник режиссера Фрейман. Садится, подбоченивается. Вот, мол, какой я храбрый, даже не боюсь сидеть на лошади! Лошадь понемногу двигается вперед, затем переходит в рысь. Раздается нечеловеческий крик:

— Ой! Ой! Лошадка стой! Лошадка стой!

— Через пять минут Фрейман с забинтованной головой ходит среди фигурантов.

— Страшно горячий конь! Не успел сесть, как бросился, что есть духу.

— А что у вас с головой?

— Неосторожно прыгнул! Нельзя же на нем сидеть, он рвет, как сумасшедший!

* * *

Режиссер Микоянц, отправляя в автокарах на место с'емки статистов, говорит:

— Приедите в Мулэн, сразу же запрещать лошадей!

— Да не запрещать, — замечает есаул, заведующий конницей, — а седлать.

— Все равно! Мэня все прекрасно понимают.

— Для казачьего офицера какого коня седлать?

— Опять желтого!

— Такой масти нет!

— Безразлично! Я ваших фыглей-мыглей нэ учил!

* * *

Режиссер Шмулевич кричит:

— Казаки, проезжайте пожалуйста вперед! Промо!

Кто то из головных номеров громко командует:

— Пра-мо!

* * *

Сцены снимаются на вершине крутой горы. Конница, находящаяся в резерве, сосредоточена внизу на шоссе. Связью служит полевой телефон.

Солнце неожиданно прячется за тучи. С'емка приостанавливается. Все веселы и жизнерадостны. Начинается смех и шутки.

Микоянц, берет трубку и вызывает Шмулевича.

— Ало! Ало! Доктор?

— Я! Что тебе нужно?

— У тебя солнце есть?

— Уже спряталось!

— Скажи, душа мой, джигитам, чтобы достали маленький кусочек. Нужно только на полчаса.

— И как же они тебе достанут?

— Вай! Вай! Как вчера достали бочку вина?

— Пхе! Ты сравниваешь солнце с бочкой вина?

— Ну, все равно, не достанут солнца, пусть разыщут к вечеру барашка.

— У тебя очень далекий подход!

— Вай! Вай! Солнце показывается!

Думы и мысли.

В. Ор-хов.

ПОД НОВЫЙ ГОД.

Поцелуем одним мы с тобой встретим год, —

Не для нас эта ночь ликований!..

Поцелуем, как братья, молясь за вольный казачий народ,

Что томится под гнетом страданий.

Не завидуй веселью! Мы выпьем до дна

Чашу слез и тоски безисходной.

Может быть там, где полны бокалы вина,

Упиваются скорбью казачьей народной.

Не вино ярко блещет, а казачьи слезы и кровь,

Кровь казачья народная в кубках струится...

Виктор Карпушкин. (Брно).

„БАСНЯ“.

Тамбовский рыцарь богоносец,
В казачьих куренях работу приискав,
По вечерам спокойно думам предаваться стал:
„Земля хорошая... Хлеба повыше всадника растут...
„Какая жизнь привольная ведь тут!..
„Казак-хозяин — парень добрый,
„Не раз на день чапурку поднесет...
„И девок хоровод тебе тут песню пропоет.
„Ну, словом, благодать, обилие земных плодов
„У этих „братьев-казаков“!..
И что б еще желать, казалося, тут
Тебе, тамбовский рыцарь?!..
Как будто ведь и рылом ты не вышел
Совать свой нос в калашный ряд
— На вольность старины казачьей посягать?!..
Ан нет! Тамбовскому все было мало. Хотелось самому
Хозяином засесть в чужом краю...
И, видно, впрок пошли ему казачие хлеба,
— Набрался сил и выгнал вон хозяина и „брата-казака“...
И мысль явилась у меня,
Что тот мужик, как та Крыловская свинья,
Нажралась желудей досыта, доотвала
И дубу старому все корни обглодала.

Г. Н.

ДОНСКАЯ БЫЛЬ.

Бурлит и плещет мощною волною
Широкий Дон — краса степей безбрежных.
Горой идут его валы седые
Дробясь о брег в стихийном возмущеньи.

Угромо хмурятся курганы вековые
Ревнители святынь и вольности казачьей;
Несется ветер над привольной степью,
Залитой заревом российского пожара.

Горит лампас, блестят клинки стальные,
Прядут ушами, ржут лихие кони,
Идут бойцы суровыми рядами,
Чтоб победить, иль умереть за Волю.

В защиту Родины, поруганной врагами,
За честь свою, за курени родные
Встал грудью Дон и полилась рекою
Казачья кровь в неравном тяжком споре.

Но Русь сермяжная, озлобленная Русь,
Та Русь — орда, что в вихре разрушенья
Сама себя вверх дном перевернула,
Нахлынула волной и захлестнула Дон.

И стих сполох, замолкла степь немая,
Раздавлен Дон, поруганы святыни,
Но дух казачий, сильный и свободный,
Остался жив и в нем залог спасенья.

О казачьем с'езде.

Милостивые государи!

В № 50 журнала „В. К.“ от 25 декабря 1929 г. помещено письмо г. Владимира Еремеева, где он высказывает мысль о созревшей необходимости созыва представителей казачьей эмиграции. „В. К.“ в отделе „почтовый ящик“ дает и ответ на это письмо. В ответе этом говорится: — „Поднятый Вами вопрос о с'езде казачьей эмиграции для решения казачьего вопроса заслуживает всяческого внимания...“, но далее, к сожалению, вместо того, чтобы развить эту мысль и наметить пути к практическому его осуществлению, — последовало охлаждение: говорится о непреодолимых, как будто, препятствиях и общее впечатление, в конце концов, остается такое, что над этой доброй мыслью нужно поставить крест... Это же, августовскую группу казаков и сторонников „В. К.“ очень опечалило и побуждает меня дать разъяснения, что дело созыва с'езда, как я понимаю, не наталкивается уж на такое непреодолимое препятствие.

1) Кто должен взять инициативу в свои руки по созыву с'езда? Ответ ясный: — „Вольное Казачество“. Оно первое выступило с живым словом под знаменем самостоятельности Казаккии и пробудило наши приспанные, неясные, в глубине души таившиеся чувства и стремления к независимости. Кто начал дело, тот пускай и ведет его дальше по пути к цели; Кто сказал первый „А“, пусть смело говорит и „Б“, иначе нечего было раздуть ватке кадила и останавливаться на пол пути.

2) Где (в каком государстве) должен быть созван с'езд? — Понятно, там где наиболее сконцентрирована казачья эмиграция, а это наилучше должно знать „Вол. Каз.“ Выбор такого места обеспечит минимум материальных расходов для участников с'езда.

Кто должен позаботиться о разрешении визы для делегатов? — Опять таки „В. К.“ — как легальная организация, как юридическое лицо, которому легче хлопотать, чем отдельным разбросанным лицам.

Самое главное: — где взять средств? — На это следует ответить, что это менее всего должно беспокоить инициаторов, ибо многие, сочувствующие этому делу, сами поедут на свой счет; другим же, кто будет делегирован от группы, а не будет в состоянии с'ездить на свой счет, группа всегда оплатит.

Таким образом, эти главные препятствия к созыву с'езда оказываются не так трудны и не непреодолимы.

С своей стороны мы подчеркиваем необходимость такого с'езда, ибо когда говорится, что смешно быть генералом без войска, то еще более смешно и просто так трагично оставаться войску без своих генералов. В 17—20 годах мы не имели своих атаманов, — ибо те, кто был во главе нас, — вели нас не защищать свою родину — а спасать Матушку-Россию.

Мы должны найти и познать своих атаманов.

28 XII 29 г.

Константин Курило.

P. S. От редакции. Еще раз говорим, что вопрос о с'езде казачьей эмиграции заслуживает всяческого внимания, но мы не закрываем глаза на трудности, связанные с его осуществлением. К сожалению, и автор вышенапечатанных строк еще не разрешил их. Все же, потому именно, что вопрос заслуживает самого серьезного внимания, мы думаем, что хорошо бы было, если бы казаки обменялись предварительно своими мнениями и соображениями как о задачах такого с'езда, так равно и о том, как практически преодолеть „трудности“ особенно финансовые. Для такого обмена мнений мы охотно найдем место в „В. К.“

Еще о с'езде.

В связи с мыслью, поданной мною в № 50 журнала „В. К.“ об организации всеказачьего с'езда, а также с ответом, последовавшим со стороны редакции, считаю необходимым по этому поводу высказаться.

Никто не будет оспаривать, что казаки, группирующиеся около журнала „В. К.“ не ограничатся только писанием своих статей, но, будучи убежденными в правоте своего дела, не остановятся на обмене своих мнений, а пойдут дальше. Дорога уже намечена, тяжела она и, казалось бы, невыносима, но итти по ней мы уже дали слово. Не должны нас останавливать и препятствия. Юбилейный день 2-х летней годовщины „В. К.“ был подсчетом сил Вольного Казачества. Нужно признать этот подсчет удачным. Он определил, насколько эти силы являются оправданием выставляемого лозунга — „Политическая независимость казачества“, а не „детским лепетом молодых людей“.

Чтобы быть последовательным до конца, нужно рассчитать — готовы ли казаки, выставляющие такой лозунг, от слов перейти к делу. В данном случае имею в виду качественный состав борцов за вольность, их запас энергии и моральную выдержку.

Неволью припоминается мне время героической борьбы казачества за свой Край. Сколько было препятствий? Казаки, исчерпанные на германском фронте, продолжали борьбу против красных оккупантов, не считаясь с тем, какими силами они располагали. Разве

они считались с препятствиями? Не хватало боевых припасов, не было союзников, борьба происходила в условиях анархии. Не искали тогда выгодной дороги, не ждали материальной помощи, позволения — любовь к Родному Краю заставляла это все преодолеть.

Посмотрим теперь на условия борьбы в противном лагере — у большевиков. Еще задолго до германской войны и вплоть до 1916 года их можно приравнять к положению нашему. Они тоже были расброшены по всем краям Европы и не было у них слова — невозможно. Кто, хоть немного, знаком с эмигрантской жизнью большевиков, тот с уверенностью скажет, что наша теперешняя жизнь находится в несравненно лучших условиях. Несмотря на это, у них были возможные съезды в большом масштабе, не говоря о беспрепятственном переезде агентов за границу. А мы — обжились немного с мирной жизнью, свыклись с мыслью, что нас всюду преследуют, чего то боимся (не куста ли?), прячемся от собственных созданных нами фантастических опасностей, и каждый смелый голос сейчас заглушается криком — „да бросьте это, ведь это может кому либо не понравиться и что тогда?“

Пришел на память мне „классический“ Илья Обломов, а вместе с ним и условия, в каких он жил. Как было получено письмо, сколько было толков и разговоров о том, стоит ли распечатывать конверт, а вдруг в письме окажется какая-нибудь неприятность, а тогда что? Письмо решили положить в углу нераспечатанным...

Станичники! Совестно становится за себя. К великому стыду своему надо признаться, что нам еще надо поучиться жить „по эмигрантски“ у... большевиков. Мы обленились, затянула нас обывательщина, не хочется как-то серьезно подумать, с трудом пробиваемся, как нищие, а если и появится творческая мысль, мысль достойная казака, остается она только мыслью. С каждодневной заботой о завтрашнем дне, о пропитании, мы даже и не замечаем, что вплотную к нам подошла грозная опасность — это не материальное прозябание, а обнищание духа. Теперь мы стоим на рубеже двух кардинальных вопросов: „быть или не быть?“ Беда будет с нами и с нашей будущностью, если эта моральная опасность, духовное прозябание, заразит нашу молодую генерацию.

Не зову к бою, ни к созданию конспиративных организаций — нам всюду, кроме большевиков, дается возможность легально высказывать свои мысли и, не нарушая прав гостеприимства, действовать над укреплением идеи независимости и освобождения Родного Края. Нужно ковать нашу мысль в органах печати для того, чтобы она нашла применение в свое время.

Каждый потерянный день может тяжело отразиться на нашей будущности. Кто пользуется возможностью слушать по радио работу большевиков, тот признает, какую колоссальную работу они вкладывают, чтобы разорвать раз на всегда с прошлым, с каким усилием они растлевают душу казака. Мы с ужасом убеждаемся, что каждый год все меньше имеем шансов на скорое возвращение домой. А что мы, в противовес разлагающей работе коммунистов, сделали? Приготовились ли мы и вообще способны ли мы восстановить свои традиции?

9-I-1930 г.

Владимир Еремеев.

Мысли по поводу проекта национального герба.

Я недавно получил открытку с изображениями гербов шести главных казачьих Войск и увидел среди них изображение герба с надписью: „калмыцкий“. Само собою разумеется, что нам, калмыкам, национальный герб, как отдельному народу и Войску, необходим и поэтому считаю, что проект герба выдвинут своевременно. Спор может и должен идти в смысле приемлемости того или иного вида герба.

На меня лично этот проект герба, выдвинутый калмыками-вольными казаками, производит приятное впечатление. Во-первых, то обстоятельство, что в основу национального нашего герба взято старое Чингис-Ханово знамя, должно imponировать душе каждого, знающего свою историю калмыка, напоминая ему, о временах, когда мы не только были свободны и сильны, но и свобода многих зависела от нас. А кроме этого, символически атрибуты самого герба удачны.

Центральной фигурой герба является белый кречет „боро мӧрен хулда“ птица, которая по поверию калмыков приносит счастье и факт встречи с ней знаменует — исполнение задуманного; самый же флаг вероятно будет изображен золотом, т. е. желтым, национальный цвет калмыцкого народа; основа же герба конечно должна быть голубого цвета, цвета неба, символизируя собою вечность.

Вот мои краткие мысли по поводу герба. Полагаю, что калмыки должны предварительно подвергнуть его тщательному обсуждению. Само собою разумеется, что окончательно наш герб будет принят на калмыцком национальном „хурулдане“, если он, калмыцкий народ, будет иметь счастье увидеть его. Во всяком случае стремиться к этому должен всякий калмык, не желающий исчезновения своего народа с лица земли. Я же желаю, чтобы этот проект вольных казаков-калмыков красовался в свое время над входом в наше первое национальное собрание. Да поможет им Бог в их справедливом стремлении.

Санжа Аршинов. (Лион).

Казаки о „В. К.“

Уважаемый г-н Редактор!

Ознакомившись с № 46 и 47 дорогого нам журнала „В. К.“ мы, казаки-кубанцы, проживающие в г. Воло в Греции, публично заявляем, что „В. К.“ действительно наш казачий журнал, который должны читать все казаки. Путь, избранный „В. К.“, — самый верный путь, по которому пойдут все казаки... В этом мы уверены.

Желательно большее распространение „В. К.“ среди казаков, чтобы как можно скорей наступил час возрождения идей, преследуемых В. К.

С братским приветом:

Ф. Колбасин, Дм. Коваленко и др.

18-XII-1929.

Печать.

„Казачий Сполох“.

В недавно вышедшем 19-20 номере „Казачьего Сполоха“ (двадцать номеров за шесть лет!) находим любопытные вещи. С одной стороны, в передовой статье редакция „К. С.“ помещает заявление, что она „находится вне всякой связи и зависимости от руководителей журнала „Вольное Казачество“ и работу, произво-

димую этим журналом, совершенно не разделяет, а с другой — вслед за этим помещает произведение ближайших сотрудников журнала „В. К.“

С одной стороны, редакция „К. С.“ знает, что „движение, возглавляемое журналом „Вольное Казачество“, не жизненное, а потому оно не может нравиться казачеству“, а с другой стороны, та же редакция „К. С.“ признается, что к ней „продолжают поступать запросы, полные

упреков и нареканий в том, что будто бы „Казачий Сполох“ не в силах бороться с „вредным влиянием и направлением“ журнала „В. К.“.

Мы как раз думаем, что раз есть „запросы“ и „упреки“, то действительно „В. К.“ многим не дает спокойно спать, ибо „нежизненное“ движение никого бы не беспокоило. Что „В. К. С.“ не в силах бороться с „вредным влиянием и направлением“ журнала „В. К.“ — это правда.

Что касается предвещаемого „К. Сполохом“ „конца“ вольноказачьего движения, то пусть руководители „В. К. С.“ об этом не заботятся — уже многие подобные „предсказания“, выражаясь мягко, не оправдались. Руководители О. К. С. С. подумали бы лучше о своей студенческой станице, которая под их мудрым водительством действительно уже давно на ладан дышет.

Как казаки сами себе вредят.

В редакцию „В. К.“ случайно попала изданная в Белграде, но никем не подписанная листовка под названием „Письмо к станичникам. № 1“. Не касаясь содержания листовки по су-

ществу (неизвестно — с кем говорить), не можем, однако, не отметить здесь одного места из второй статьи ее (стр. 2), могущего сослужить весьма плохую службу Казачеству.

Неведомый автор пишет: ... „Вот тогда мы, станичники, поняли, что здесь кроется под маскараром братства подлинная российская сила, которая пришла обездорожить нас, поработить, отомстить нам за то, что мы триста лет помогали царям держать народ в рабстве крепостного права“.

Это — неправда. Казаки никогда не помогали царям „держать народ в рабстве крепостного права“. Наоборот, спасали, укрывали у себя беглецов от крепостного права, поддерживали восстания и сами руководили восстаниями против крепостного права.

Спрашивается: зачем казаки лгут о себе и о своем историческом прошлом?

Как же нам быть теперь в претензии на других, что часто представляют Казачество в кривом зеркале когда мы сами делаем иногда еще хуже?

Иностранцы о казаках.

Иностранцы о „Тихом Доне“ Шолохова.

О недавно изданном в немецком переводе издательством „Фюр Литератур унд Политик“ (Берлин) „Тихом Доне“ Шолохова находим такую рецензию Эссад-Бея, помещенную в немецком критическом журнале „Литераршине Вельт“ от 19 декабря 1929 г.:

Казачий роман написанный казаком, эпос казачьей жизни, в литературе до сего времени известный лишь благодаря „Казакам“ Толстого.

„В Европе знают казаков только как диких вояк царской армии, род царской жандармерии, солдат, которые в бесчисленных битвах противостояли Европе. Казаки, как народ неизвестны, неизвестно даже, что казаки действительно представляют собой отдельный народ, обладающий собственными обычаями, собственными законами и собственными традициями и даже имеющие свое стремление к независимости, и, отграниченные от остальной России, веющие существование привилегированного сословия.“

„Подозрительно и сверху вниз смотрит казак на русских, „Московитов“, которых он столетиями защищал от татар, и за то приобрел для своих краев самоуправление и права, возносившие его высоко над остальным населением царской империи. На великих реках, Дону, Кубани, Тереке и Урале лежат станицы вольных казаков, в их станицах правили атаманы, а их богатое население было ничем иным, как воинами в отпуску, занимавшимися земледелием. И только большевицкая революция уничтожила казачество, уничто-

жила в революции возникшую республику Донского казачества, носившую на своем государственном гербе бочку водки и на ней сидящего обнаженного казака.“

Теперь казаки растворились в остальном населении России, и книга Шолохова является лишь эпическим памятником замечательных обычаев, ужасающе дикого существования передвоенных казаков“.

„Потрясающе ужасная книга, ее можно было бы назвать „Жестокой Россией“, ибо из безконечных унижений пьянства, битвы и послушания слагалась жизнь этих людей. И все же они умели быть счастливыми, подобно первобытным племенам, которым достаточно для счастья немного воздуха, хлеба и женщины.“

Характеры обрисованы с поэтической силой: непокорные казаки, угнетенные, а все же непокорные женщины, старые пьяные охранители патриархального образа жизни и наконец горожане, капиталисты, новое явление в тихом казачьем краю. На втором плане казачье дворянство, казачьи генералы, охранители царских (?) казачьих доблестей и, конечно, неизбежный в каждой русской книге революционер, как мученик и страстотерпец.

„Язык русского оригинала испещрен местными выражениями, казачьими словами и прибаутками. Тяжелое задание перевести эту книгу на немецкий язык разрешено переводчиком в полном объеме“.

P. S. От редакции. Как видим, много еще воды утечет раньше, чем казаки сами и правдиво признают иностранцев с самими собою.

В СССР.

„Газета Польска“ пишет: „Среди последних событий в политической жизни СССР наиболее интересными являются национальные течения, проявляющиеся все сильнее в советских республиках. Советская печать в течение последних трех месяцев сообщала о раскрытии самостоятельных организаций на Украине, на Кавказе, среди Воюющих татар и в Белоруссии. На Украине раскрыт Союз Освобождения Украины, который якобы,

как гласит официальное сообщение ГПУ, стремился вызвать восстание против советской власти и провозглашение Украины независимой демократической республикой. Одновременно в Минске были произведены многочисленные аресты среди белорусской интеллигенции во главе с Ластовским, секретарем белорусской Академии Наук. Обвиненные в пропаганде белорусской националистической идеологии деятели по слухам под-

держивали связь с арестованными украинцами. Одновременно в Казани была раскрыта татарская националистическая организация „Туран“, объединявшая не только буржуазные татарские элементы, но и многочисленных татар-коммунистов. Коммунистом до недавних пор был сам руководитель „Турана“, известный татарский деятель Султан-Галиев. Между упомянутыми организациями существуют различия в целях и стремлениях. Украинцы и белоруссы поставили себе целью освобождение Украины и Белоруссии из под советского ига и провозглашение независимости этих стран. Татарская организация „Туран“ стремилась к объединению всех народов и стран, входящих в состав СССР и исповедующих Ислам, в одно государство. В состав этого нового государства должны были войти татары, башкиры, киргизы, калмыки и другие менее значительные племена.

Доказательством того, что течения эти стремятся, прежде всего, к национальным, а не к социальным целям, является участие в них коммунистов-националистов, как Шумский и Максимович на Украине и упомянутый выше Султан Галиев в Казани. Солидарность и политическое единство вождей угнетенных народов существуют также и среди политической эмиграции этих народов, а доказательством этой солидарности является создание организационного комитета угнетенных народов. В состав этого комитета входят представители политической эмиграции из Украины, Белоруссии, Туркестана, кавказских стран, волжских татар и Карелии. Комитет намерен в ближайшее время созвать конгресс угнетенных народов СССР.

(„Р.“)

Казачья эмиграция.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Редакция журнала „В. К.“ поздравляет всех вольных казаков с Новым Годом. Дай Бог, чтобы он принес Казачеству освобождение, чтобы увидели мы в нем снова свою Землю, чтобы осуществилась, наконец, Казачья Мечта и возродилась Казакия.

Искренно и сердечно благодарим всех тех, кто поздравил редакцию с Новым Годом и праздником Рождества Христова. Спасибо!

Ко всем нашим читателям.

Каждый народ, который хочет жить, должен иметь свою литературу, свою книгу. Раз Казачество не хочет расказачиваться, раз оно не хочет остаться и в будущем народом неисторическим, оно должно захитить полной жизнью здорового народного организма. Первым признаком, свидетельствующим о том, что народ живет и возрождается, является наличие у него своей литературы, своей книги.

Редакция журнала „В. К.“ и ставит себе одной из ближайших задач положить начало чисто казачьей книге. Первый такой опыт мы уже сделали — мы выпустили в свет первый казачий календарь „Календарь-альманах В. К. на 1930 год“. Но, дело казачьей книги может быть осуществлено только при поддержке всего Казачества. Издательство — вещь дорогая. Поэтому, если казаки хотят, чтобы жила и развивалась казачья литература, если они хотят читать казачью книгу, — они должны ее купить.

Издательство „В. К.“ настоящим обращается ко всем казакам с призывом поддержать издательские начинания „В. К.“

Кроме того, ввиду больших расходов, связанных с издательской деятельностью, мы вынуждены сократить до минимума и бесплатную рассылку журнала „В. К.“ Впредь таковой будет посылаться бесплатно только в особо уважительных случаях.

Мы глубоко уверены, что казачья эмиграция своевременным взносом подписной платы поддержит свой журнал.

Казаки во Франции.

1. У уральцев.

Много раз писали о том, как живут казаки во Франции, в частности в Париже. Почти всегда описывалась жизнь Кубанцев, Донцов, реже Терцев; о казаках других Войск почти не попадает корреспонденций. Это, видимо, по той простой причине, что казаков других Войск не так уж много в Европе.

Недавно мне пришлось узнать, что в Париже проживает 70—80 человек уральцев, этих по истине страдалцев казачества, которые почти все полегли в борьбе с коммунистами красной Москвы.

Познакомился с хуторским Атаманом Л. К. Месинным. (Уральцы объединены в хутор). Сам Атаман одиночным порядком прибыл во Францию из Китая. Из дальнейших разговоров выяснилось, что уральцы

сосредоточены главным образом в городе Rueil в 6-10 кил. от Парижа. Атаману хутора я дал несколько журналов „В. К.“, он очень меня благодарил и просил побывать у них на ужине в день Войскового праздника, чтобы познакомиться ближе с жизнью казаков, а Уральское Войско, как известно, празднует день Архистратига Михаила. „Парижские“ уральцы праздновали 23/ХІ.

Меня, прибывшего в Rueil с некоторым опозданием, радушно встретил хуторской Атаман и усадил меня за свой стол. Очутившись среди уральцев, я чувствовал себя так же хорошо, как если бы сидел с кубанцами. Тут я увидел то радушие и гостеприимство, какими славятся уральцы. Никого из „Высокопоставленных“ гостей не было. За столом сидел батюшка, служивший молебн, и еще генерал Интов, который в прошлом связан службой с уральцами и теперь часто помогает казакам, чем может.

Когда закончилась так сказать „официальная“ часть праздника, казаки запели. Песни были слеты мастерски.

Уральцы живут вместе, занимая целый отель, имеют общую кухню, что, конечно, дает возможность питаться по вкусу, по казачьи, к тому же артельное довольствие обходится много дешевле. Способ артельного довольствия возможен только в том случае, если люди спяны между собою. Безусловно такая спайка среди уральцев есть. Это бросается в глаза, как только проведешь в обществе уральцев 2—3 часа.

Благодаря заботам г-на Панченко, которому хутор поручил устройство праздника, стол был сервирован богато, почти по „буржуазному“.

Около 11 часов вечера прибыл, командированный терским казачьим объединением, полковник И. А. Морозов, который приветствовал уральцев от имени терцев, проживающих в Париже. В своей короткой, но сильно сказанной речи, он указал на тот тернистый путь, которым шло и идет Уральское Войско, во имя своих вольностей и бытовых традиций; далее указал, что терцы и уральцы связаны исторически очень близко и что страдания уральцев переживают терцами не в меньшей мере, чем и другими казаками.

Больно стало за то, что ни Донцы, ни Кубанцы не нашли возможности прислать человека, приветствовать своих собратьев, затерянных среди большого города...

Занимаются уральцы тем же, чем и другие, т. е. работами на фабриках и заводах. Есть несколько человек семейных. Казачки — больше славянки: польки, чешки, украинки; но есть одна казачка, прибывшая с Урала, вместе с казаками. Ей, конечно, много пришлось пережить трудностей во время отступления. Если, говорит она, для мужчин отступление из родного края было делом нелегким, то каково же женщине?

Но вот ужин кончился, столы убрали и на эстраде появились музыканты, да еще „целых пять человек“. Оказывается, что это хуторской оркестр. Едва музыканты успели сыграть два три аккорда, как в вихре казачка понеслись казаки, сверкая лампасами. Я забыл упомянуть, что некоторые казаки были одеты по казачьи.

Говорил с несколькими казаками, все высказывают надежду, что вернуться на свой вольный Яик, и будут жить вольными казаками. Часто в разговоре проскальзывает нотка вполне резонной обиды, что Уральцев как то все забыли.

Интерес к казачьей литературе большой, но доставляют они ее мало.

Было ровно 12 часов ночи, когда я покинул гостеприимных уральцев и последним трамваем уехал в Париж.

II. В Монтаржи.

В двух — двух с половиной часах езды от Парижа на равнинах Луары расположен очень хороший городок Монтаржи. Больших фабрик и заводов там, за исключением каучуковой фабрики, нет. Не смотря на это, там живут вполне „оседло“ до 150 казаков Кубанцев и Донцов. Жизнь казаков в этом городке, почти ни чем не отличается, как заводских рабочих от жизни в других фабричных центрах. Так же, как и в других местах, встают в 6 часов утра и до 6 часов вечера проводят время за работой на заводе. Полтора часа на обед, конечно, проходят незаметно, а посему и можно сказать, что бидолага б'ется от зари до зари. Есть несколько человек, которые работают у частных предпринимателей, но таких мало, большинство же на фабрике, т. к. последняя считается более верным делом. В среднем каждый казак зарабатывает франков 700. Этой суммы достаточно на жизнь.

Но Монтаржи не похожа на другие города и вот почему; район этого города славится хорошей землей и сельское хозяйство здесь стоит на должной высоте. В сезонное время, когда начинается уборка хлеба и кормовой свеклы, казаку, привыкшему к земле — кормилице, трудно удержаться, чтобы не принять участие в уборке хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов, которыми хлебопашец в этих краях справедливо награждается за свой труд. Тогда казак берет на

заводе отпуск и уходит работать „на молотилку“. Сезон таких работ продолжается 2—3 месяца.

Мне пришлось разговаривать с одним таким казаком, который за пять лет пребывания во Франции не пропустил ни одного сезона. „Разве можно удержаться“ говорит он, „когда посмотришь на эту золотистую ниву, к тому же и сама работа по сердцу, „до души“, да и заработаешь за время сезона больше, чем на фабрике“.

Оно и верно. Сколько бы казак не работал на фабрике, он никогда не станет рабочим по своему „нутру“, по своей психологии. Ведь казак рожден совсем не для того, чтобы тянуть лямку фабрично-заводского рабочего. Вот почему в Монтаржи у казаков бывают моменты, когда „они отдыхают душой и телом“ и именно в самый разгар сельско-хозяйственного сезона.

В частной жизни, уже своей чисто-казачьей, казаки живут довольно дружно, организованы в общеказачью станицу, в которую входит до 80 человек. Можно подумать, что и не совсем дружно, но есть факты, которые дают право говорить о том, что казаки живут именно дружно. Раньше в Монтаржи было два хутора, теперь эти хутора слились и образовали одну станицу. Атаманом станицы состоит кубанец Шедогуб (казак станицы Петровской).

О личности Атамана Шедогуба следует сказать несколько слов. Это типичный черноморец, не блещет „ученостью“, но видимо с большим природным умом, очень практичный в жизни, пользуется большой любовью и уважением среди казаков. В разговоре со мной высказал несколько обид, которые были причинены как ему лично, так и казакам со стороны русских организаций. Описывать эти обиды не буду, т. к. это не входит в задачу моей корреспонденции.

Станица, по настоянию Атамана Шедогуба, приобрела библиотеку в 400 томов, которая приводится в порядок и тогда будет доступна для чтения казакам.

В разговоре с казаками подметил грусть по родному краю, один мне сказал: „вот если бы еще дома проводились энергичнее те идеи, которые проводит теперь Вольное Казачество, то оно было бы лучше, а то пришло усим звонить у колокола, та й поперлись до Москвы“.

Взаимопомощь так же поставлена хорошо, как раз в день моего пребывания там собирали по подписному листу какому то больному казаку. Казаки, за исключением немногих, относятся к журналу В. К. очень хорошо. Один мне прямо сказал: „можно сказать, что противников этому делу нет“. Конечно, противники наверно есть, но это большей частью такие именно казаки, которые не прочь бы и отказаться от своего казачества. Некоторые и не входят в станицу только потому, что Атаман станицы не „чиновный“.

Как и в других местах, так же и в Монтаржи, есть семейные казаки. Большинство обязавелись семьями уже здесь. Кто женился на польке, кто на украинке. Вообще казаки предпочитают брать в жены — славянок; говорят: „не хочу дуже культурной, лучше по проще, вона буде краща хозяйка“.

7-1-30. Париж.

Еф. Якименко.

Освящение Буддийского храма в Белграде.

(Фотографии любезно предоставлены нашему сотрудничеству редакцией газеты „Политика“ через г. журналиста Николыча, исполнены фотографом Ю. Исаковским).

Сербские газеты изобилуют статьями с описанием больших событий, происшедших у казаков-калмыков. Описывается подробно и о храме и, вообще, о жизни калмыков в Югославии. При открытии от прессы присутствовало много журналистов и фотографов. Служили службу: приехавший из Франции бакша Нимбушов и местный бакша Умалдинов, гелюны: С. Миньков и С. Игнатов. Двенадцатого декабря при официальном открытии присутствовали представители русской и казачьей общественности, главным же виновником торжества был Милош Ячимович, подаривший калмыкам землю. Из присутствующих отметим — Терского В. Атамана Г. А. Вдовенко, Е. А. Букановского, ген. Дон-

Буддийский калмыцкий храм в Белграде в день освящения.

ского, ген. Маркова, Н. Д. Дувакина, представителя журнала „В. К.“ — Б. А. Кундрюцкова, полк. Базаревича, Г. П. Шпилевого, Полеолога и друг. От сербского общества — г. М. Ячимовича, Чедо Ячимовича, г. Крстича, Николича и друг. Калмыки-же, казаки, во главе строительной комиссией и с'ехавшимися своими собратьями, тепло приветствовали своих гостей. Казаки-калмыки, проживающие в Чехословакии прислали своего делегата Б. Н. Уланова, из Франции прибыл бакиш Нимбушов, приехали калмыки из Парачина, Ясенова (полк. Батырев), из Великой Кикинды и Црепая. Многие оставались во время службы на дворе, так как храм не мог вместить в себя всех присутствующих.

Погода в этот торжественный день открытия Хурула прекрасная, светит солнце и, подходя, вы видите черную массу толпящихся людей; среди них и сербы, и казаки, и русские и калмыки. Калмыки все подпоясаны согласно обряду и их дети и женщины кругом напоминают праздники у нас, в степях, в Сальском округе.

Над дверьми храма „кюрде“ — символ означающий восемь путей избавления от земных страданий для достижения Нирваны, по бокам его олени, первые услышавшие проповедь Будды. Вы входите во внутрь хурула. По середине, свешиваясь с потолка, висит зеркальный шар, тоже имеющий символическое значение и хоругви и иные священные украшения. Прямо против входа, большая статуя Будды в стеклянном шкафу, имеющего вид усеченной пирамиды. У ее ног, другая статуя, поменьше. По стенам развешены изображения учеников Будды и других святых — Бодисатва. Тут же стоят несколько столиков со священными предметами и направо ложе для священнослужителей, которые, облаченные в шелк, начинают службу, кропя павлиньим пером храм святою водою настоянной на шафране. Во время богослужения гости сыпят на пол розданное зерно. Слушая монотонную, гортанную молитву, то повышающуюся, то понижающуюся, забываешь о том, что ты в Югославии, а не на Дону, в калмыцкой станице. При благоговейном молчании всех присутствующих, Бакиши заканчивают службу, а хозяева распорядители приглашают гостей пройти в другие комнаты отведать хлеба и соли.

По выходе из храма в боковую дверь, вы попадаете в комнату священнослужителей, дальше комната для культурно-просветительных нужд, школа и библиотека. В помещении Храма четыре комнаты и передняя. Радует сердце за наших братьев казаков-калмыков, что они имеют такую свою собственность на вечные времена.

Гостеприимство Калмыков-Казак.

В небольшой комнате уже накрыты столы. Полковник А. А. Алексеев и доктор Э. Д. Хара-Даван радушно приглашают гостей занять места.

Полк. А. А. Алексеев провозглашает здравицу Королю Югославии и затем говорит о том, какой праздник сегодня у калмыков.

— Быть может это и маленькое дело, что мы здесь в Югославии сделали, но присутствующие понимают, какое великое значение оно имеет для калмыцкого народа. Храм этот не только служит утешением для нас, живущих в Югославии, он дорог для всех калмыков, разбросанных в чегьрех странах. А первому, кому мы обязаны за эту нашу большую радость — сербу — Милошу Ячимовичу, предлагаю прокричать „живио“ за его дар, и всему Югославянскому народу за приют и помощь, оказанную нам.

Речь прерывается криками: живио! Затем Абуша Апелеевич благодарит жертвователей и всех тех, кто материально или морально пришел на помощь казак-калмыкам. Он упоминает имена Чедо Ячимовича, Каркела, Томича, Трифионовича и др.

— Как видите, — продолжает Алексеев, — все приняли посильное участие в нашем деле и я за то вам земно кланяюсь.

Была отправлена благодарность Королю, Живковичу — председателю Правительства, пр. Беличу. За границу — Французскому и Чехословацкому Президентам.

Терский Атаман Г. А. Вдовенко — Мы живем в такую эпоху, когда считают, что можно прожить без веры, но мы знаем на примере России, к чему привела ложь безверия, безбожия и грубого насилия. И вот вы воздвигаете в такую эпоху свой храм — вы верны своей религии, верны своему народу, своим старым вековым обычаям. Так позвольте-же мне от лица трех Войсковых Атаманов приветствовать вас здесь и поздравить с торжественным днем открытия этого высокого памятника вашей религиозности и вашего Духа.

Бакиш Нимбушов говорит речь по калмыцки, полковник Батырев переводит:

— Без храма не может жить никакой народ. Мы говорим, что веруем разное, но Бог ведь один. И мы должны мыслить свои храмы, как и ваши, а вы наши, как и ваши, и относится с уважением к обрядам чужой веры. Я знаю, что первопричиной, давшей толчек был серб-христианин Милош Ячимович, подаривший для этого землю, и я благодарю его от имени калмыков Франции.

Бакша Нимбушов передает Ячимовичу приготовленный казаками-калмыками шелковый тибетский шарф-хадык.

У всех собравшихся поднятое настроение и многие утирают слезы. М. Ячимович — простой человек и говорит, что он отвечает по „селячки“ (как простолюдин):

— Я видел, как вы работали, как десять лет трудились в поте своего лица, как собирались молиться в частный дом, как вы страдали, не имея своей церкви, и вот вам мой дар. Вы заслуживаете его, как честные, добрые люди. А ваш подарок, я и за миллион не отдам.

Др. Хара-Давн: Я напому вам недавнее прошлое. Почему казаки и калмыки в своей массе не примирились с большевиками — потому, что они были сильны искони веков бытовыми узами и религией в ее „бытовом исповедании“, уважении старших в семье, в роде, в станице, народе и в государстве. И это всегда яв-

ляется основой крепости Государства. Наше горячее желание скорейшее освобождение нашей Родины и ее возрождение. Пожелаем, что бы она была крепкой как внутри так и вовне.

Б. А. Кундрюков: — Я буду говорить от лица студенческой станицы, являясь на этом торжестве заместителем нашего станичного Атамана. Мы — молодежь с острым любопытством следили за вами, братья калмыки, как вы, объединившись духовно, дружно принялись за работу по возведению вашего храма, будущего оплота вашей духовной и культурной жизни. Мы видели и знаем, сколько трудов было положено вами, начиная с полк. А. А. Алексеева и кончая последним калмыком. И мы, только мы — казаки, можем гордиться вашим религиозным подвигом с той радостью и с тем же воодушевлением, с каким гордитесь вы. Много лет тому назад мы гордились тем, что вы пришли к нам, стали казаками и с тех пор нас связали креп-

Богослужение калмыцких бакшей в день освящения храма.

чайшие кровные узы. За единство казака и калмыка, выпьем мы нашу чару. Пусть будет оно крепко как алмаз, на вечные времена.

Е. А. Букановский: — Митрополит московский Платон сказал: „все религиозные перегородки не доходят до самого Неба“. Этим он указывал на то, что Бог стоит выше наших убеждений или верований. Со своей стороны, я напому вам о труде вашего собрата Др. Хара-Давана — „Чингис-Хане“. Он своей книгой напому вам, о том времени, когда вы владели всей Азией и частью Европы, он напому вам ваши великие и славные времена, принадлежащие сейчас истории. Вы сильны были в прошлом, сильными будете и в будущем. Приветствую вас в лице ваших интеллигентных, передовых эмигрантов-калмыков.

Г. А. Вдовенко: — Может речь моя и не понравится, но я привык говорить правду открыто в глаза. Судьбы Калмыков тесно связаны с судьбами Казачества. И чего достигнет Казачество, того достигнет и Калмыцкий народ. А Казачество всегда стремилось к Вольной Воле и Свободе. Так за эту Вольную Волю, за Свободу Казачества и Калмыцкого Народа я поднимаю бокал.

Только в пятом часу гости стали расходиться.

Калмыцкие торжества 13-го декабря.

С утра уже в Хуруле шла длительная служба. Была торжественная церемония освещения самой статуи Будды. Служба тянулась вплоть до обеда. После нее в помещении Храма собрались одни калмыки-казаки, где и провели время за своими национальными блюдами и радостными разговорами. Все были полны надеждами на будущее и кажется Храм явится самым прочным фундаментом к еще большей спайке, к еще большему их единению.

(Соб. Кор.).

Среди калмыков в Париже.

В этом году в жизни большинства колоний калмыцкой эмиграции наблюдается довольно отрадное явление. Почти все начинают чувствовать и сознавать необходимость быть организованными. Так, например, вслед за существующими калмыцкими организациями в Лионе, Монтаржи и Гренобле, появился и „Союз Калмыков в Париже“, с кассой взаимопомощи при нем. Цель учреждения кассы — поддержание своих членов, в случае острой безработицы, болезни и других несчастных случаев путем выдачи взаимообразных или безвозвратных ссуд. Председателем „Союза калмыков в Париже“ избран Лиджа Цеденов, помощником его Бальжир Бевинов, секретарем Санжа Васильев, казначеем Морхус Балинов. Ревизионная комиссия составлена из: Петра Моркова, Бембе Кутушова и Эрдне Цеденова.

Одним из первых шагов молодого союза была организация устройства совместного празднования „Зула“ с соблюдением национальных и религиозно-традиционных особенностей. Был нанят зал в одном из отелей, „где была зажжена общая лампада, было отслужено общее молебствие, по окончании которого все собравшиеся откушали общую трапезу.

Первое приветственное слово сказал священник Денисовского хурула Молун Басанов, который объяснил молодым братьям о значении и происхождении праздника „Зул“ и высказал добрые пожелания на будущий год. За ним, с речами на калмыцком языке, выступали: Председатель союза Л. Цеденов, П. Джамбинов, Б. Шарпов, Б. Кутушов, Ч. Басанов, Х. Улашкин и С. Джалакаев.

После обеда, прошедшего весьма оживленно, отличные гармонисты-виртуозы М. Шаржиков и П. Джамбинов дали возможность собравшимся вдоволь позабавиться танцами.

Такої семейний спосіб праздновання хоть на миг оторвал нас от суровой действительности и мысленно перенес нас в наше памятное прошлое, когда после своеобразно-красивого ночного служения в хоругле с тысячами лампад, мы проводили этот праздник в кругу „народа“ среди наших робких, чернооких, стройных девиц и шустрых молодаяк.

В заключении не могу не поблагодарить редакцию „Вольного Казачества“ за аккуратно присылаемые номера журнала. При чем, почти в каждом номере с удовольствием вижу что-нибудь и про калмыков и их жизнь. Это показывает работу наших братьев в составе Вольного Казачества и то, что Вольное Казачество уделяет и нам-калмыкам свое внимание. Сведения, которые появляются на страницах Вольного Казачества, особенно по национальным вопросам, не могут не быть интересными и полезными для нас. А потому, — да здравствует Вольное Казачество!

Хальмак-Парижанин.

У Сан Павло.

(Из козачих „Одиссей“).

Ви певно чули або читали про великий город у Бразилії Сан Павло (Святий Павло)? Довелося і нам, кубанцям (було нас 5 чол.) побувати у цьому славному городі.

Коли нам надокучила праця на фазенді (кавяній плантації), то ми, зібравши трохи грошей, поїхали шукати щастя до Сан Павла. Приїхали поїздом. Спочатку перебували в готелі, а потім на окраїні города знайшли невелику свобідну кімнатку (була колись крамниця) і там й застановились на довший час. На другий день ми розбрились по городі відшукувати праці.

Великі кам'яні будинки, склепи, театри, кіна, автомобілі, фабрики, лісопильні, чудові парки, каварні, готелі, трамваї, метушня людей — зліпті оце все до купи і буде щось схоже на гор. Сан Павло.

Над вечір посходилися. Нема праці. Кепсько.

На другий день знову пішли. Заходжу до одної фабрики, де виробляти цукерки, мармеляду, та консервували овочі. Питаю праці. Є. Боже, як же я був утішися! Не йшов, а біг до своєї хати, щоб скорше про це повідомити товаришам. Всі були вже дома.

— Ну, що? — питають мене.

— Є!

— І ми також знайшли. Завтра підемо носити цеглу. Будують велику хату, на кілька поверхів. І знаєте хто доглядає за робітниками?

— А звідки ж я можу знати? — відповів я.

— Донський козак інженер Попов. Хоч сам він по португальські кумекає гірше нас, але фах (спец) — велике діло. А ви-ж яку знайшли роботу? — Я сказав.

Працюємо. Хлопці носять цеглу, а я на фабриці.

Господарь фабрики, побачивши мою скалічену ліву руку, дав мені легку службу „замітайла“. Зранку до вечора все замітаю. Чи є, чи нема сміття у фабриці, а я все замітаю.

Пройшов місяць. Видають робітникам платню. Дістав і я щось по пів доллара в день. Бачу, що з таким заробітком в городі не жививу.

Я покинув „істи цукерки“ та пішов до своїх хлопців носити цеглу. Там платили трохи більше. Робили все: носили цеглу, вапно (зв'язку), пісок, дошки etc., але... живуть козаки у городі!

Було це вже по денній роботі, коли під'їхав до нашої будівлі тягаровий трамвай та й скинув пісок на вулиці. Робітники, в тім числі й я, почали пісок накидати на тачки та возити на подвір'я. Я звернув увагу, що де-які пани, коли проходили повз мене, то чогось затримували свій хід і дивилися особисто на мене. Хотілося гепнути лопатою такого пана по спині, щоб він не витрещав очей.

— Бідний, як він може працювати з такою рукою! — якось долетіло до мене в португальській мові. Тепер я все зрозумів...

Біля тієї хати, що ми будували, одного разу сиділи ми під складеними дошками. Коли це дошки похилилися і падають на... нас! Дошки мене добре потовкли і перебили кість правої руки коло долоні. Других робітників також потовкло, але все ж костей не поламало.

Цілий місяць не ходжу на роботу, а потім знову почав учашати. Назначили мене якось сторожем будинку!

Знайшлися люде, які порадили мені через суд шукати відшкодовання за перелом руки. Справа опинилася в руках адвоката. Стративши по-дурному кілька мільреївсів, я покинув свою службу та знайшов собі працю знову на фабриці.

Якось був я навчився виробляти штучні овочі (искусственные фрукты) і хотів з цього хліб їсти, та не довелося. Овочі виходили дуже гарні, але не було у мене, мовляв, торговельної жилки. Бувало винесу свій крам на вулицю та й стою, як дурень: ані пари з уст! Люде проходять, дивляться та дивуються, що я зімою маю на продаж свіжий виноград, груші, яблука, персики, то-що.

Один якийсь панок захотів був покоштувати винограду та, не сказавши мені ані слова, хап за зерно винограду!

— Що за виноград це ви такий продаєте, що я не можу одірвати навіть бубинки покоштувати? — здивований пробубонів він до мене в португальській мові.

— Та то штучний, — пояснив я йому.

— А-а!... — тай пішов.

Щоб ти луснув! Аби ти знав кільки я коло нього напрацювався (поколов собі пальці дротом!) то ти певно купив-би...

Я знервований пішов до дому і більше вже не продавав винограду.

Карнавал у Бразилії — це наша масляниця з смашними варениками. Але бразиліане не мають ніякого поняття про наші вареники; а що вже про наш козацький борщ, то й не згадую...

Так ото ж карнавал у Бразилії — велике свято, що тягнеться три дні. Багаті і бідні, всі просто дуріють. Для карнавалу видумують всякі одяги; одягаються чортами, звірями, смертю з косяком і в ріжні інші кумедні одяги. Від фогетних стрілів (наші фейверки) аж голова болить. По головних вулицях рухається море голов, а між ними тягнеться безперервна низка автомобілів; грають музики. На третій день, у півночі, коли кінчається карнавал, по головних вулицях проїздять чудово прибрані вози. Господареві найоригінальнішого воза, як мені говорили, дається нагорода у висоті 20.000 мільреївсів.

Бачив і я цей карнавал. На третій день карнавалу почав іти дощ. Я наклав на себе бурку, надів білу шапку та й пішов на одну з головних вулиць. І що-ж ви гадаєте, що може я не звернув на себе уваги? Повні кишені приніс до дому воздушних поцілунків, які мені щедро сипали гарні панночки з автомобілів! Правда, лише одна якась стара баба злякалася, коли раптово виткнулась з-за вугла вулиці та побачила мене в бурці.

— Мати Божа!... чорт!... чорт!... — почала кричати. Та цур їй, старій бабі, — хай їй Бог простить.

У глупу ніч почали рухатися карнавальські вози. Ось, наближаються до мене. На переді їде парубок у звичайному чорному одязі і грає на сурму; за ним рухається кавалерія: з пів сотні паничів у чорних одягах та з пів сотні панночок-амазонок. Грає духової музика. Поволі проїздять яких з 20 возів. Боже, які-ж то були гарні та химерні вози!...

Комусь стукнуло до голови з емігрантів зорганізувати хор. Попали й ми — кубанці — до цього хору. Найкраще у нас виходили пісні: — „Ой на горі та жєніц жнуть“, та „Кину кушель на полицю“, з танцями. Виступали у національних українських одягах під маркою „козаків“. Був навіть у хорі один танцюрист з

славной укр. труппы Глазуненка, що у свій час так часто навщала Катеринодар.

У цьому хорі я був познайомився з двома донськими козаками, що у якомусь склепі носили мішками сіль.

Хор виступав лише один раз у одному великому кино, людей було повно. Успіх мали надвичайний. Але увесь наш заробіток пішов, як нам сказали „старші“, на нац. укр. одяги etc., так що хористам нічого не дісталось. Хор розбігся, а я покинув Сан Павло.

С. Савицький (Бразилія).

Хор кубанцев Запорожского полка в Нише (Югославия).

семьях. Для своих собраний казаки заарендовали дом, состоящий из четырех комнат; в двух из них помещается часть казаков, одна предназначена для спевок и бесед, а четвертая отведена за кухню.

Командир полка — полковник Роговик, энергичный, старый кубанец, который также живет в Нише и который, не покладая рук, работает над тем, чтобы казаки не рассыпались, а жили бы одной семьей. Организовал кубанский хор, состоящий из 25 человек и казачий струнный оркестр в 23 человека. Сам управляет хором, сам учит казаков играть на разных инструментах. Каждый день, как командир полка так и казаки с раннего утра до 5—6 часов вечера на работах, а по вечерам собираются в свой дом, где или заняты спевками, или разговорами.

На одной такой спевке пришлось побывать и мне. Назначена была в 6½ часов вечера. В 6 ч. 20 м. прихожу на место сбора, казаки все в сборе, ожидают ре-

гента — командира полка в зале для спевок. Точно в назначенное время появляется полк. Роговик.

Несколько минут разговаривают о предстоящем праздновании полкового праздника — Великому ч. Екатерине. Ввиду отсутствия средств решают полковой праздник отпраздновать в интимном кругу, не приглашая никаких гостей. После этого приступают к репетиции.

Сначала идет церковное пение. Все внимание хористов обращено на каждое движение регента. Стройно поют казаки. В голове проносятся приятные воспоминания. Представляются родные станицы с их прекрасными храмами с тысячами молящихся.

Так же гладко проходит и светское пение. Чередуются украинские, казачьи и русские песни. Среди хористов никакой усталости. Незнакомый с жизнью казаков не поверил бы, что все они целый день таскали на себе 70 килограм. тюки.

Струнный оркестр кубанцев Запорожского полка в Нише.

После небольшого перерыва начинаются упражнения оркестра. На свои, тяжелым трудом заработанные гроши, каждый приобрел инструмент. В свободное от тяжелых работ время, вместо отдыха, участник в оркестре изучает ноты, упражняется в игре, чтобы к назначенному дню отшлифовать заданную вещь. И казаки доказали, что казачьи руки умеют не только оседлать коня, в свое время крепко держать винтовки, в тяжелую минуту таскать стокиловые мешки, но и нежно перебирать струны инструмента.

Было 9 часов вечера, необходим отдых утомившемуся казаку, чтобы следующего дня приняться за тяжелую работу.

Хор кубанцев два раза в месяц поет в местном городском соборе, за что получает от причта 500 динар. На эти деньги нанимается комната для спевков, покупаются ноты починаются инструменты.

Казаки получают журнал „Вольное Казачество“, „Информационный листок Кубанского представительства в Югославии“ и местную газету.

Т. Д-ль.

Джигиты во Франции.

По приглашению шефа джигитов, донского казака есаула Юркова, я прибыл из Виши в г. Мулен 15/XII посмотреть джигитовку. В 2¼ дня казаки прибыли на плац.

День выдался на славу — солнечный, теплый. В 2½ началась джигитовка: прыжки на обе стороны, турник, Уральский, Скобелевский, стоя на подушке, подымание платков, ласточка, вертун с шашкой в зубах, двойной вертун, отвалка, сквозные прыжки двух казаков на одной лошади, стоя на двух, малая и большая пирамида и т. д. — все это номера казачеству знакомые, но надо было видеть, с какой чистотой, смелостью и красотой они выполнялись в Мулен малочисленной, но сильной по качеству группой в 12 человек на собственных конях.

Аплодисменты без конца, публика неистовствует. Да и есть чем восхищаться. Спасибо родные! Вами казачество может гордиться.

В. Гамалий.

Джигиты. Стоят (слева направо): И. И. Филиппенко, Н. Н. Валаев, Н. А. Юрков, Ф. Ф. Леонов, Н. П. Корсов. Сидят (слева направо): С. К. Рычков, Т. Г. Поляков, А. Н. Еременко, В. И. Пахомов, Г. С. Корольков, В. Г. Саранцев.

Казаки в Болгарии*).

Группа казаков, проживающих в селе Белени, Пасху Светлого Христова Воскресения в 1929 г. встречала в тесной и задушевной эмигрантской семье.

Посетив церковь, направились все на квартиру старшего группы К. К. Ананьева и за одним столом торжественно разговелись, вспоминая нашу любимую родину, забыв временно все невзгоды и лишения и радостным пением „Христос Воскресе“ воскресили надежду на скорое возвращение в наши родные курени. Чувствуя себя в родной обстановке, пропели воодушевленно Донской и казачьи гимны.

Пели и пили здравие нашего Атамана и всего вольного казачества и единомышленников наших.

После обеда вся группа снялась для памяти нашего пребывания в Болгарии и посылает Вам на добрую память, а если найдете нужным и возможным, то и поместить.

Группа наша с начала еще эвакуации в составе большинства Донских казаков поселилась на одном ме-

сте и личным самостоятельным трудом: земледелием, которое у некоторых достигает от 50 до 200 декарей и более, рыболовством, торговлей и чиновничеством, приобретает себе безбедное существование. Вообще в нашей группе безработных и поденных людей нет. Все довольны в сравнении с другим беженством, но заветная мечта о возвращении никогда нас не покидает и постоянно с напряжением ожидаем зов „по домам“.

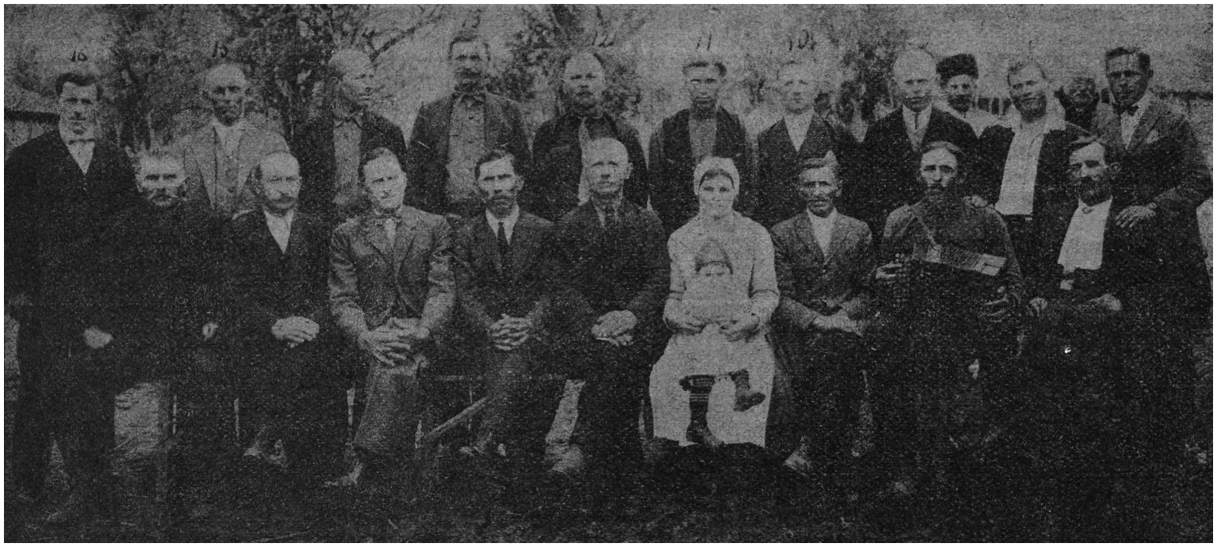
В заключение поздравляем Вас всех наших единомышленников с наступающими праздниками Рождества Христова и новым 1930 годом, и дай Бог, чтобы он был последним нашего скитания.

Старший группы К. К. Ананьев.

Среди калмыков.

В Белграде образовался „Союз Калмыцкой молодежи“, имеющий целью национальное возрождение калмыцкого народа через предварительную культурно-просветительную работу. Председателем избран священник Батлаевского хурула Меньков, известный ученик знаменитого Ламы Борманжинова, секретарем — Санжа Алексеев.

*) Рис. см. стр. 30.

Группа донцов в с. Белени (Болгария): 1. К. К. Ананьев (член Д. В. К.) — старший группы; 2. И. А. Туркин (член Д. В. К.); 3. Р. Назарова; 4. Г. Ф. Калмыков; 5. И. А. Класс; 6. В. В. Кирпичев; 7. М. Р. Воронин; 8. В. С. Каракай; 9. И. Е. Юрченко; 10. М. А. Захаров; 11. Л. А. Фильцов; 12. П. Г. Богатырев; Д. В. Рышкун; 14. Г. М. Богатырев; 15. И. Г. Марин; 16. В. А. Квицинский; 17. Л. С. Хорохоркин; 18. И. Е. Долбин; 19. Д. В. Писарев.

Новые агрономы-казаки.

В осеннюю сессию государственных экзаменов агрономическое отделение Пражского Политехникума окончили казаки: П. И. Бондаренко (кубанец), Э. М. Бурулдушов (калмык) и И. М. Столетов (денец).

Письма в редакцию.

М. Г. Господин Редактор!

Настоящим просим Вас дать место на страницах очередного номера „В. К.“ нижеследующему нашему заявлению:

В последнем номере (19-20) журнала „Казачий Сполох“ редакция этого журнала, в качестве передовой, поместила статью, направленную против идеи Вольного Казачества. Оставляя за редакцией ее право помещать какой угодно материал, мы указываем на то, что в том же номере помещены произведения четырех явных вольных казаков, что по нашему мнению по меньшей мере нетактично по отношению к этим казакам, принимая во внимание отношение редакции этого номера к „В. К.“. Мы полагаем, что чувство этики должно было бы подсказать редакции „К. С.“ не помещать наших материалов, имея в виду нападки на наше политическое *sredo*.

До сего времени мы сотрудничали в этом журнале, зная его, как казачий, студенческий, неполитический орган.

Доводим до сведения наших друзей, что наше появление в номере 19-20 Казачьего Сполоха есть следствие заблуждения, в которое мы были введены редакцией этого журнала. Заявляем, что отныне в журнале „Казачий Сполох“ мы больше не сотрудники.

Шалвур Ниминов.
Константин Поляков.

Уважаемый г-н Редактор!

Не откажите в любезности в ближайшем номере журнала „В. К.“ поместить нижеследующее:

В журнале „Казачий Сполох“ (№ 19—20 — декабрь 1929 г.) помещено мое стихотворение, смысл которого искажен опечаткой.

В предпоследней строке стихотворения, вместо: — Лишь тоска по вольной Волге — должно быть: — Лишь тоска по Вольной Воле.

Дальнейшее сотрудничество свое в „К. С.“ прекращаю, ввиду нарушения редакцией постановления 7-го станичного сбора ОКСС в отношении направления журнала. Равным образом, как член правления Братиславского хутора ОКСС, протестую против помещения в журнале „К. С.“ поистине бесстыдных строк в статье г-на Чапчикова („Памяти Павших“), дискредитирующих достоинство Войскового Круга. (см. журнал „К. С.“ № 19—20)...

М. И. С. Иван Бойко.

6-I-30 г. Братислава.

В Казачьих Землях.

Камышит.

О, когда я увижу то прекрасное место, где я родился, и страну, в которой нет больше голода, тиранов и рабов...

Понгомери.

Вряд ли кому приходилось слышать слово „камышит“, а если и случалось, то пожалуй не каждый ясно себе представляет, о чем, собственно, идет здесь речь. Слово это появилось впервые у нас, на Кубани,

в 1919 г. и означает производство из камыша досок и бумаги.

В Европе, Азии и Америке для изготовления досок и бумаги вырубаются огромные лесные пространства. Леса истребляются с такою стремительностью, что по вычислению одного агронома огромных лесных богатств Америке едва хватит на 50 лет. Перспектива в скором времени остаться вовсе без леса, побудила целый ряд ученых попытаться заменить дерево каким либо иным материалом — соломой, травой или тростником.

В 1900 г. лабораторным, а затем и фабричным путем были получены бумага и доски из камыша. Эти доски отличались от деревянных более дешевой ценой и меньшим весом. Это изобретение при обилии у нас камыша должно сыграть видную роль при экономическом восстановлении Кубани после большевизского владычества.

В находившейся еще в составе б. Российской империи, Кубанской области и в особенности на Черноморьи всегда ощущался недостаток строевого леса, главным образом сосновых и еловых досок.

Правда, наличность Владикавказской ж. дороги позволяла экспортировать лес с Волги из г. Царицына. Но политика б. русского правительства была направлена на развитие центра России, часто даже во вред Казачеству. Не в интересах России было развитие „ее окраин“; поэтому на Кубани не разрешались постройки железных дорог и подъездных к ним путей и вследствие этого большая часть кубанских станиц лежала вдали от станций железных дорог, нередко в 40—50 верстах. Прибывший на ж. станции „царицынский“ лес развивался по окружающим станицам т. н. „гужем“, по кубански — ходами. В станицах лес продавался почти вдвое дороже, чем он стоил, на месте, в Царицыне! Во время продолжительной распутицы (на Кубани шоссе отсутствуют) ни бревен, ни досок нельзя было доставить даже „втридорога“. (Казачеству нужны хорошие строевые кони, а не шоссе“ слова Начальника Кубанской Области ген. Малама в ответ на ходатайство о проведении за счет Войска 50 верстного шоссе между Екатеринодаром и „грозящим“ затмить красотой природы и целебностью своих вод русские и даже заграничные мировые курорты — Горячим Ключем).

Кроме „русского“ царицынского леса, на Кубани и в отнятой от нее в 1896 г., специально для учреждения нового губернаторства, Черноморской губернии имеется в общей сложности свыше 2½ миллионов десятин разных пород леса. К несчастью эти весьма ценные породы деревьев (орех, бакаут, чинара) растут в малодоступных местах, а отсутствие сплавных рек и шоссе настолько удорожают их эксплуатацию, что в конце концов выходит дешевле привозить лес за сотни верст из Царицына...

Для разработки удобных путей сообщений, канатных железных дорог, постройки лесопильных заводов и пр., нужны большие деньги и время. Наряд ли при спешном экономическом восстановлении Кубани, при стесненном денежном рынке, удастся вложить обычно медленно обарачивающиеся в лесных разработках крупные капиталы. Слишком много накопилось за это время других неотложных нужд... Сейчас на Кубани выдается по карточкам 200 грам хлеба на человека... Это происходит в стране, некогда кормившей Россию и „за границу“ своей первоклассной пшеницей „кубанкой“, из которой итальянцы приготавливали макароны, и, которая вообще высоко ценилась на иностранном рынке. Выпавший весной дождь становился известным в тот же день на Ньюорской хлебной бирже и это отражалось на ее сделках! (Емельянов, С.-Х. кооперация). Конечно, в первую очередь придется кормить голодающее население и строить для него жилища. (За 10 лет владычества большевиков на Кубани они не выстроили ни одного мало мальски приличного здания).

При строительстве в крупном масштабе (а к этому принудит экономическая целесообразность), на Кубани, при расстройстве транспорта, общей разрухе, вполне возможно, что будет ощущаться недостаток строительного материала, в особенности досок. В этом отношении к нам как бы приходят на помощь ее географические особенности — обилие почти никому ненужного камыша.

Не так давно еще, американцы при прорытии Панамского канала осушали болота, поливали их нефтью и сжигали в виде ненужного, служащего убежищем малярийным комарам, камыша, — целые состояния. С проблемой, что делать с огромным количеством быстро растущего камыша на Кубани, придется столкнуться не раз при работах по осушению плавень. В Кубанском крае имеются сотни тысяч десятин „неудоб-

ной“ земли в виде болот, лиманов, плавень, ожидающих приложения к ним труда и капитала чтобы на их „неудобной“ почве зажелтели пшеница „кубанка“ и подсолнечник.

То, до чего не додумались даже практичные „янки“, т. е. не сжигать камыш, а фабриковать из него доски, удалось сделать на Кубани и ее сыны могут этим вполне гордиться. Правда, в Кубанских станицах камыш давно уже шел на постройки, хотя и в не обработанном, „сыром“ виде. Свыше 60% всех строений покрыты камышом.

Идея замены дерева камышом, повторяем, не нова. Сравнительно недавно претворена, на Кубани, в действительность. Только в 1919 г. появился в станице Переяславской, Кавказского отдела, завод для изготовления досок из камыша под названием „Камышит“.

В феврале 1919 г. был составлен приговор Переяславского Станичного Сбора о предоставлении права акционерному обществу „Камышит“ построить в станице за свой счет завод для „искусственного“ производства из камыша досок и продажи их по установленной цене. Станичники предоставили заводу участок земли по берегу реки Бейсуг, возле станции Живило, Кубанско-Черноморской ж. дороги и исключительное право косить камыш для нужд своих на всем обширном пространстве Лебязьего лимана, начиная от станицы Брюховецкой, и Переяславской до станицы Челигинской.

Быстро собрали акционеры необходимый капитал, летом приступили к постройке завода, а осенью 1919 г. первые „камышовые“ доски появились на рынке. Доски были однотипны, имели в длину 6½ метра, в ширину 0,25 м. и в толщину 0,3 м. Способ приготовления досок был запатентован и завод строго держал свою тайну... Завод был технически слабо оборудован, работа производилась весьма поспешно и доски получались низкого качества. В это время в продаже доски совершенно отсутствовали и новый „бракованный“ товар быстро расхватали станичники в тот же день. Их покупали лишь для сараев, конюшен, огорожи и... grobov сынам казачества, отдавшим за Волю Казачества свою жизнь в кровавой борьбе с большевиками.

Слух о чудесных, сравнительно дешевых камышовых досках скоро распространился по окружающим станицам. Посыпалась со всех сторон заказы на эти доски. В Переяславку стали приезжать за сотни верст посмотреть на „чудо“ и купить досок.

Поистине завод казался „чудесным“. В степи при полном отсутствии леса, приготавливать доски, подобно деревянным и к тому же еще дешевле и у себя в станице! Каждая станица, имеющая в изобилии камыш, (а в Черномории трудно себе даже представить станицу без речки с камышом) может сама поставить такой завод, так как его оборудование весьма не сложно и недорого стоит: Три — четыре чана, пресс и вальцы. Фабриковать доски можно круглый год (работа производится в помещении) лишь бы хватало материала, о чем пока заботиться не приходится.

На Кубани открылась перспектива отказаться от закупки царицынского леса и, тем самым, освободиться от необходимости тратить сотни тысяч рублей на его покупку, в то время как деньги могли свободно оставаться в станицах и мы могли иметь к тому же доски и некоторому числу людей предоставить работу. Поставив заводы на кооперативных основаниях, можно было бы излишки досок вывозить за границу, где как известно лес очень дорог. Этот экспорт досок весьма укреплял бы нашу валюту...

Всем известные события на Кубани и оккупация Казачьих Земель Москвой прекратила деятельность завода „Камышит“ на долго.

... Гибнут машины, здания завода разрушаются двери, окна, полы растасканы; разбирают для печей кирпич из стен. Гибнущий завод, некогда пытавшийся разрешить лесной кризис Кубани — фабрикацией камышовых досок, заставляет спросить: почему спит Стансовет, Исполком и вообще те, кому сие ведать надлежит? — вопрошает „наивный“ селькор в № 58 „Радянского Станичника“.

Новые формы борьбы с „хлебозаготовками“.

Из Армавирского округа пишут московской „Правде“ (28 ноября) о том, что „в кулацких сетях“ оказались невинномысльские мельницы: ночью „кулаки“ подвозили к ним зерно, распределяя большие партии по нескольким мельницам. Зерно ночью же перерабатывалось, не будучи записано в учетные книги. Постепенно, при всяком удобном случае зерно вывозилось прямо на рынок под видом государственного, с фальшивыми адресами и путевками.

По сему случаю „Правда“ горестно вопрошает:

„Но кто же сможет так быстро и легко сманеврировать, как северо-кавказский кулак?“ Ответ подражывается: конечно, никто не сравнится в ловкости с сев. кавказским кулаком.

„Правда“ пишет, что не в прошлых годах, ни нынешним летом „кулаку незачем было прибегать к массовому подкупу низовых служащих по хлебозаготовкам, — сейчас „кулак“ пришел к этому, вынужденный сильными нажимом на него и пользуясь тем, что низовой хлебозаготовительный и советский аппарат чрезвычайно засорен. Если верить уверениям „Правды“, то „огромное количество бывших торговцев, жандармов, полицейских, родовитых людей решило, что более спокойного и лучшего убежища, чем станица, им не найти“. При таких условиях, по мнению „Правды“ — маневр „кулака“, прибегнувшего к услугам всей этой родственной ему по духу публики, вполне естествен и понятен.

„Позорные уроки Терека“.

Из Пятигорска пишут „Правде“ (7 декабря) о том, что в борьбе за хлеб, за укрепление классовых позиций в станице Терский округ потерпел серьезное поражение. Терек занимает почти последнее место не только на Северном Кавказе, но и во всем Союзе. Хлебозаготовительный план позорно провалился. „Правда“ обвиняет в этом терский окружной Комитет партии, весь август месяц убивший на разговоры и преувеличенности плана хлебозаготовок. По этому же поводу спорили и в сентябре. 7 октября ростовский краевой комитет предложил терцам разговорчики прекратить и увеличить темп хлебозаготовок в течение двух недель. Прошли две недели — но положение осталось без перемен „к лучшему“. Дали Тереку еще один срок подтянуться к 15 ноября. Но и это не помогло: темп заготовок падал с пятидневки в пятидневку, и лишь в конце ноября кой кого из строптивых терцев убрали, но время уже ушло.

„Правда“ при сей okazji злобствует, что хлебом на Тереке хоть пруд пруди, а что огромные излишки хлеба обнаруживаются не только у „кулаков“ — это дело привычное, но и у коммунистов.

Одной из причин, сорвавших хлебозаготовки, является, по мнению корреспондента „Правды“, бешеная спекуляция хлебом, широкой волной разлившаяся по Терскому округу. Как же боролись с этим? Очень просто и в полном согласии с „заветами Ильича:“ хватили за шиворот каждого хлебороба, очутившегося с мешком зерна за околицей.

Казалось бы, „Правда“ должна была бы захлебываться от восторга по поводу столь решительных мер советской администрации. Ничуть не бывало! Московский оффицюз явно разочарован: причина, — „в результате в терском округе арестовано за спекуляцию 134 спекулянта и 234 „кулака“, но вместе с тем и 400 бедняков и 200 середняков“.

„Ташили и не пушали“ во всю, можно сказать, прочтя эти цифры, но все же „Терский округ почти на последнем месте во всем Союзе“.

Сплошная коллективизация Сев. Кавказа.

6-го декабря областной исполком в Ростове опубликовал постановление о сплошной коллективизации Края, которая должна быть закончена не позже весны 1931 года.

Колхозники против выдачи излишков.

Темп поступления колхозного хлеба, пишут „Правде“ (6 декабря) из Армавира, упал до нуля. Некоторые колхозники выносят открытые постановления об отказе продать государству хлебные излишки.

Что же делает окружной колхоз? — Ничего! Он занят составлением годового отчета.

Сонное окостенение охватывает и заготовителей. Интерес к кампании со стороны последних упал на столько, что снова наблюдаются учащающиеся случаи финансовых перебоев, бюрократизма и прочих хлебозаготовительных безобразий.

В станице Баталпашинской элеватор систематически задерживает выплату денег сдатчикам хлеба. Черкесов, привезших зерно „красным“ обозом заставить ждать расчета двое, а некоторых и трое суток. Элеваторщики оправдывались тем, что документы о сдаче хлеба были утеряны и лишь на третий день были обнаружены на окне в конторе.

Больше всего возмущается „Правда“ тем, что в станице „Темираевской“ за несдачу излишков „у кулаков описывают ложки, табуретки, столы и диваны, оставляя ценные строения, хлеб, подсолнух, скот“.

На скотобойном фронте.

В „Правде“, 5 января, помещена телеграмма из Ростова, где говорится о происшедшем при Кубанском окружном отделе торговли совещании о проведении мероприятий по поднятию животноводства и о разрешении мясной проблемы на Кубани. Отмечен ряд недочетов. Разъяснительной работы с массами хлеборобов о постановлениях, связанных с коллективизацией животноводства и контрактацией скота, не ведется. „Кулаки“ пользуются этим и ведут „бешеную“ агитацию за убой и продажу скота. Частник с мясного рынка еще не вытеснен. Большинство частных — „кулаки“ распродают свое имущество. „Они нагло, пишет большевикская простыня, имянуют себя хлеборобами, а местные финансовые и административные органы не обращают внимания на их вредительскую работу.“

В Калмыцкой области.

На заседании совнаркома РСФСР специальное заседание было посвящено докладу Турара Рыскулова о результатах обследования Нижне-Волжского края. О Калмыцкой области этот советский сановник сказал следующее: „За последние годы Калмыкия очень выросла и она много выиграла от того, что вошла в состав Нижне-Волжского края. Необходимо упростить строительство новой столицы Калмыкии и поставить местные организации перед задачами развития местного хозяйства, в частности, тонкорунного хозяйства.“

„В Калмыцкой области имеются искривления национальной политики. Так, в некоторых местах в учреждениях и школах заменен калмыцкий язык русским.“

Настоящая октябрьская революция в Калмыцкой области была проделана после недавней конфискации скота у крупных скотоводов. В Калмыкии организуются новые совхозы и колхозы („Эк. Ж.“ 5 января).

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Вышел и поступил в продажу

Календарь-Альманах

„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

на 1930 год

Цена Календаря-Альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгании — 50 лева, в др. странах $\frac{1}{2}$ ам. долл.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

„КАВКАЗСКИЙ КАЗАК“

ежемесячная информация в 16 печ.
страниц о жизни казачества

Подписка открыта с 1-го июня 1929 г.

	Югославия	Болгария	Чехослов.	Франц. и др.
На 1 год . . .	30 дин.	75 лева	20 крон	15 фр.
На 6 мес . . .	15 дин.	40 лева	10 крон	10 фр.

Цена отдельного номера в продаже — 3 динара.

Адрес Редакции: Београд, Неманьина ул. бр. 26.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

„КАЗАЧИЙ ЖУРНАЛ“

II-й год изд.

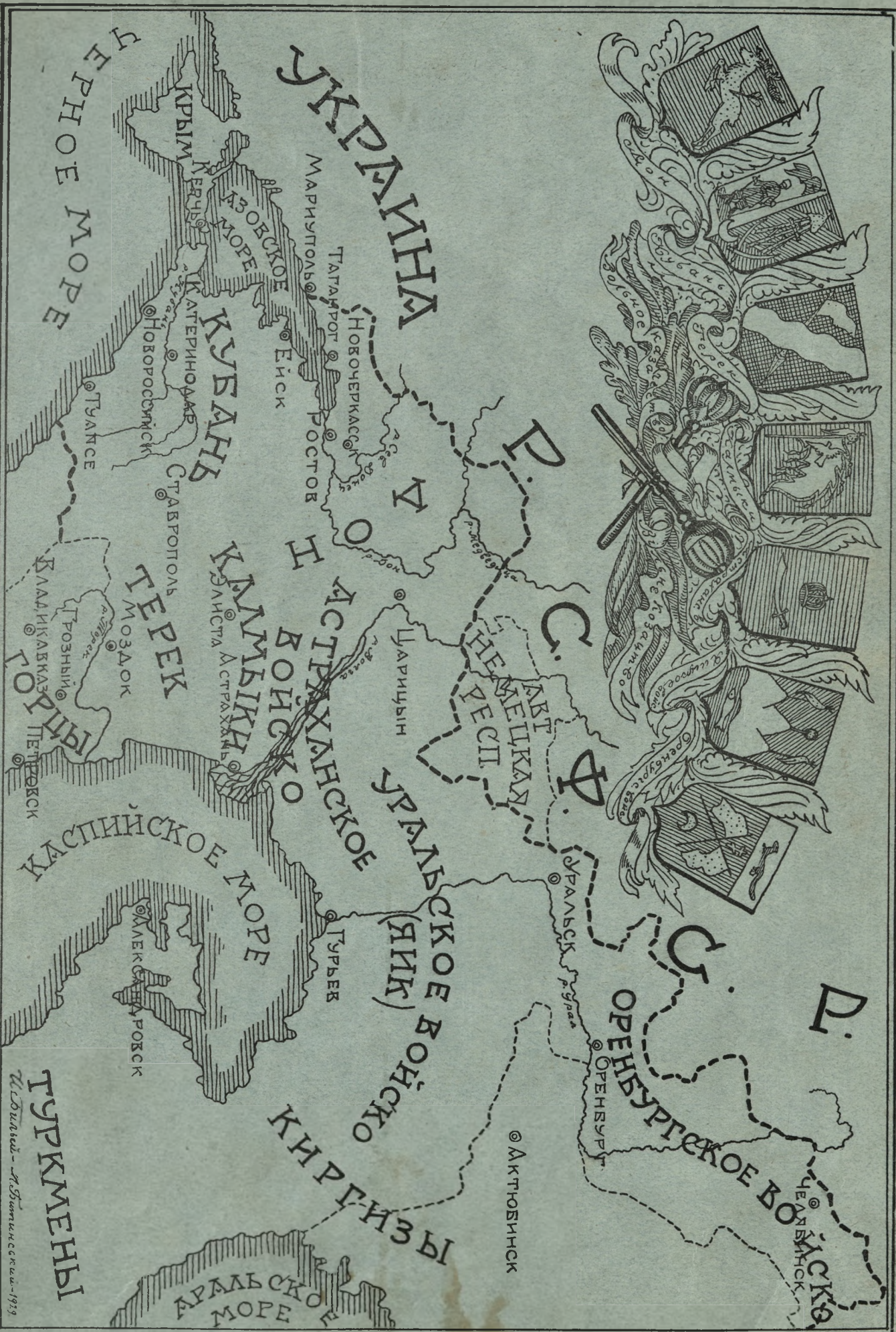
II-й год изд.

Редактор - Издатель
Е. Д. КОНОВАЛОВ.

В вышедших номерах приняли участие: И. Г. Акулинин, Г. К. Бигянов, А. П. Богаевский, С. В. Болдырев, М. В. Волкова, И. Н. Ефремов, Н. Д. Городецкая, М. М. Игнасюк, Б. В. Киров, Е. Д. Коновалов, П. Н. Краснов, Н. Л. Крюков, Г. Н. Кузнецова, А. И. Куприн, Вл. Ладыженский, Борис Лазаревский, А. К. Ленивов, А. П. Лукин, Е. К. Миллер, А. Н. Прокопенко, В. П. Рябушинский, И. Г. Савченко, С. Г. Сватиков, П. А. Скачков, Д. Е. Скобцов, Т. И. Сладков, И. Д. Сургучев, А. Н. Туроверов, Н. Н. Туроверов, В. Н. Хрусталев, И. А. Фомин, С. В. Яблоновский. Иллюстрации Л. Л. Масянова и бр. Хунунц.

Цена номера 5 фр.; за-границей: 25 центов
(с пересылкой).

Подписную плату просят адресовать: Mr. KONOVALOFF, 10, rue Augereau, Paris, 7.

Изданы в - 1919